

Валерий Казаков

Город в лесу

роман-эссе

Валерий Казаков

Город в лесу. Роман-эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26713092

ISBN 9785448579790

Аннотация

Это произведение, в котором город – действующее лицо, равное главным героям романа. Они живут и меняются вместе, но каждый по-своему, совершенно не так, как того требует ход истории. Фантазия и реальная жизнь переплелись здесь настолько сильно, что порой трудно понять, где тут вымысел, а где быть, похожая на пророчество.

Содержание

Из прошлого	6
Богачи с большой дороги	11
Знак судьбы	16
Традиции и легенды	19
Павел и Александра	24
Переворот	27
Поиски правды	30
Чужая	34
Буй времени	37
Третий сын	42
Дорога к вечному смыслу	48
Город будущего	52
Древо революции	57
К родным берегам	61
Николай и Лукерья	64
Преображение	67
Новые люди	71
Богема	76
Моисей Сахалинский	84
Зигзаги судьбы	89
Мистическая смерть	96
Романтическая душа	104
Азы живописи	110

Город в лесу

Роман-эссе

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2017

ISBN 978-5-4485-7979-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Город в лесу – это попытка соединить вместе историческое эссе, роман хронику, историю двух родов и судьбу провинциального города, где город как действующее лицо воплощает в себе важный замысел автора. Роман не лишен элементов сатиры, фантастики и философского взгляда на жизнь. Это попытка создать литературу, которая включает в себя разные стили и направления, скрепленные единым сюжетом.

Из прошлого

Первых жителей Осиновки сейчас никто не помнит. Только древние старики поговаривают, будто основали её «лихие люди» – беглые каторжники, облюбовав здешние глухие и болотистые леса, больше пригодные для грабежа и разбоя, чем для нормальной человеческой жизни. Потом к беглецам присоединились сподвижники Ермака, уцелевшие после сражения с Кучумом, странствующие охотники и вольнолюбивые крестьяне, уставшие от тяжелой барщины. Каким-то образом среди последних оказались слуги Ивана Киреева, того самого, что увез из Сибири в Москву плененного Ермаком царевича Маметкула. Они-то и послали своего человека в далекую деревню Лукьяновка, Арзамасского уезда, где при дворе боярина Федора Киреева жили их многочисленные родственники.

Из Лукьяновки родные принесли дурную весть о том, что боярин Федор сам себя погубил. Посланный Борисом Годуновым на Терек с немалой дружиной, он во время шторма на кораблях своих направился, было, в Юргень. Но переплыл Каспийское море не в том направлении и оказался в Средней Азии, где Федора взяли в плен.

Кто его выкупил из плена, или сам он сбежал, это никому доподлинно неизвестно, только через какое-то время появился он на юге России, в Астрахани и снова стал служить

царю. И служил усердно, так, что астраханский воевода вскоре проникся к нему доверием и направил с важным поручением в Стамбул. Как назло, в Стамбуле в это время появился Лжедмитрий. Федор встретился с ним, поговорил, вспомнил прошлые обиды на светскую власть и перешел к самозванцу на службу. Получил за рвение высокий чин окольного, возгордился, разбогател, но прослужил Дмитрию недолго – был вскоре убит в тяжелом бою под Москвой. После этого его родовое имение Лукьяновка была пожалована новому хозяину Федору Левашову, очистившему Владимир от литовских завоевателей...

Сейчас Киреевы и Лукьяновы – две самые известные фамилии в Осиновке. Есть, конечно, еще Крупины и Голеницины, есть Поповы и Казаковы. Но Киреевы, как говорится, сильны своими корнями. Вот с них-то и начнем наш рассказ.

Когда первые косматые мужики в одно теплое весеннее утро вышли из своих земляных хижин и принялись рубить настоящие дома, то разбойный люд поначалу смотрел на них с удивлением. Ибо все понимали, что если в далекой лесной глухомани вдруг поднимутся настоящие избы, то жди появления невест. А появятся женщины – будут рождаться дети. Им потребуются молоко, фрукты и овощи. Многодетным отцам придется раскорчевывать лес и возделывать землю, разводить скот и обжигать кирпичи.

Потом дети подрастут, начнут кричать на всю округу звонкими голосами, бегать с палками по болотистой низине,

разгоняя диких уток и пугая зверье. Дети всё будут видеть, всё знать, во всем разбираться. Ничего от них не удержишь в секрете. Вот тогда и придет конец разбойничьей вольнице. Бабы запросятся на базар, дети к учению потянутся, и придется воровской братии строить жизнь по древним библейским законам...

Так, собственно, всё и случилось...

Как-то в одну из сентябрьских ночей, когда луна в темном небе стала похожей на спелое яблоко, а огромные ели возле Бобринога болота протяжно загудели, размахивая мохнатыми лапами, Ермолай Киреев незаметно исчез из своего нового дома. И весь следующий день его никто не видел.

Зато рано поутру на третий день после неожиданного исчезновения появился он на крутом берегу Вятки с молодой женщиной. Ростом она была ему по плечо. Худая, гибкая, русоволосая, смущенными голубыми глазами поглядывающая на бородатых страшилищ – мужчин, обступивших ее со всех сторон. Звали ее Антониной...

Вскоре у молодых супругов Киреевых родился первенец, которого назвали Сергеем. За ним с небольшим интервалом в два года появились еще три сына и три дочери. Как водится, самый старший из сыновей стал и самым желанным. Его синие глаза оставались лукавыми до старости, а русые волосы, спускающиеся до плеч шелковистым потоком, соблазнили немало осиновских молодых. Надо сказать, что Сергей был человек не только хорошо сложенный, но и удивитель-

но добродушный. Спокойствие его было настолько всеобъемлющим, что он научился спать на ходу, есть в любое время суток и в любом количестве, носить одну и ту же одежду зимой и летом...

Жена Сергея, Татьяна, страстно его любила до глубокой старости и в порыве нежности ласково называла Налимом. Только за первые двадцать лет счастливой супружеской жизни она родила ему четверых сыновей и двух дочерей. И все они, как мать с отцом, были удивительно хороши собой, высоки, румяны и спокойны. Ни один из них не заболел и не умер в раннем возрасте, все легко приучились к тяжелому крестьянскому труду и в зрелые годы никогда не жаловались на трудную жизнь.

Из сыновей Сергея вскоре выделился Игнат. Он был выше отца ростом, шире в плечах, выносливее, но, несмотря на всё это, Игнат был начисто лишен природного добродушия, так свойственного его отцу. Возможность померяться с кем-либо силой Игнат никогда не упускал. Понимал, что нет ему равных среди односельчан. Это и толкнуло его на кулачный бой с местной знаменитостью – кузнецом Абросимом.

Кузнец Абросим, самый старший из рода Лукьяновых, был с детства несуразно высок, худ и бледен, но, не смотря на это, имел в руках неуёмную силу, которую мужики между собой называли «земляной». Потому что она пришла к нему от земли, от природы, от предков. К тому же, в решающие минуты схватки Абросим становился по-звериному зол, вы-

нослив и исключительно ловок. Сойтись с ним в кулачном бою решался не всякий. А если такой появлялся, то Абросим нападал на противника, как разъяренный зверь, бил его нещадно, стараясь попасть огромными кулачищами в испуганное лицо, сшибал, сминал, не давая опомниться, как будто мстил за что-то. Волосы у Абросима были черные, как смоль, и такие же темные, глубоко посаженные узкие глаза. На холодном ветру он ежился да покашливал, в пору зимних вьюг плохо спал, ощущая в душе непонятную грусть, и только в кузнице, у раскаленного горна, вблизи пламени чувствовал себя уютно. Старики из Лукьяновки иногда проговаривались, что в жилах его течет татарская кровь.

Со своей женой Ульяной Абросим постоянно ссорился. Они то и дело ворчали друг на друга из-за пустяков; ни с того ни с сего говорили друг другу гадости, потом долго ходили обиженные, и дети у них рождались слабыми. Недели две после родов кричали днем и ночью, не давая родителям глаз сомкнуть, а после затихали навечно. И только один из них, как бы случайно, как бы наперекор судьбе выжил. Ему-то и дал обрадованный отец победоносное имя Георгий. Тогда Абросим еще не знал, что вскоре сойдется в кулачном бою с Игнатом Киреевым и уступит Игнату на глазах у своего малолетнего сына. И это будет мучить Абросима всю жизнь, а потом станет поводом для многолетней вражды с большим семейством Киреевых.

Богачи с большой дороги

Во времена царицы Екатерины прошел мимо Осиновки печальный Сибирский тракт. По высочайшему указу, вдоль тракта полагалось высадить березы, дабы видно было его издалека и в летнюю, и в зимнюю пору. По Сибирскому тракту пошли на каторгу царицы ослушники, поехали кареты с господами, крестьянские телеги, груженные сеном и овсом, пенькой и шкурами зверей, покатались мещанские тарантасы. Тогда-то и обрел дурную славу мрачный и глубокий лог под названием «Команур», ведущий от Сибирского тракта к реке. Говорят, удобнее этого места для грабежа и разбоя невозможно было придумать. В любое время суток отсюда можно было легко и незаметно пробраться по логу до берега Вятки, потом переправиться через полноводную реку и попасть в бескрайний матерый лес, где каждая раскидистая елка, каждый куст можжевельника – уже надежное укрытие.

Первые годы многие жители Осиновки промышляли на большой дороге по ночам: губили безвинные души. Но потом остепенелись, поняли, что когда-нибудь за лихие дела перед Богом придется ответ держать. И беглых каторжников привечать перестали, особенно после того, как помор Башков, сбежавший из-под стражи в Малмыже, взял себе фамилию Бушуев, женился на местной красавице Аграфене Малининой и стал лес рубить вдоль берега Вятки, чтобы сплав-

лять его по реке в далекие южные губернии. Не понравилось осиновцам, что помор так быстро разбогател. Выстроил для себя и своих детей два огромных кирпичных дома в центре села и стал верховодить местными староверами, которые во множестве осели здесь после Соловецкого сидения...

Когда Игнату Кирееву уже перевалило за шестьдесят, а Егору Лукьянову едва исполнилось тридцать, оборотистые лесопромышленники Бушуевы владели уже миллионным состоянием и мечтали купить в Англии свой пароход, чтобы заняться перевозкой леса и соли. К тому времени на Вятке появились уже пароходы Булычева и Небогатикова, и местные купцы сумели оценить их по достоинству, снаряжая за товарами то в Казань, то в Астрахань, то в Нижний Новгород.

На этих пароходах дети лесопромышленников Бушуевых вскоре отправились на учебу в Москву и Петербург. Позднее некоторые из них уехали получать образование за границу, а потом стали возвращаться оттуда целыми семьями с женами и детьми. Их образованные жены предпочитали сейчас проводить долгую русскую зиму в Петербурге, и приезжали в Осиновку только летней порой, чтобы отдохнуть на какой-нибудь лесной даче, срубленной местными умельцами из отборных корабельных сосен. Обрусевшая француженка Леония, которая стала женой одного из сыновей в большом семействе Бушуевых, тоже отдыхала в Осиновке каждое лето. Леония любила скупую северную природу и бескрайние вятские леса. Она с удовольствием проводила на конном

заводе господ Бушуевых всё недолгое северное лето. Многие местные жители видели её, то скачущей на коне вдоль дубовой гривы в ладном костюме амазонки, то на просторной конюшне, выстроенной в виде шатра с железным флюгером на крыше. Иногда в это время рядом с Леонией был её муж – человек излишне упитанный и неуклюжий, иногда старший конюх Бушуевых Павел Киреев. Павлу тогда только-только исполнилось двадцать пять, а Леонии уже перевалило за тридцать, но была она так удивительно свежа, стройна и подтянута, что выглядела много моложе своих лет. Естественно, никакого романа у красавицы барыни с деревенским конюхом не случилось, зато общение между ними зародило в душе Павла стремление к иной жизни – более достойной и привлекательной. После общения с этой женщиной ему захотелось стать другим. Но начать новую жизнь без первоначального капитала было невозможно. Павел это понимал и с усердием первопроходца стал искать выход. Перед его мысленным взором была судьба отца. Отец много работал на земле. Земля кормила его, согревала и одевала, но тяжёлый труд на земле не приносил отцу большого достатка. Сын не хотел для себя такой жизни, но как вырваться из заколдованного круга, не знал...

Однажды на конной прогулке Павел поделился своими мыслями с Леонией. Она внимательно выслушала его, весело посмотрела на Павла своими зеленоватыми глазами в оправе густых ресниц, немного подумала и посоветовала

для начала заняться торговлей.

– Здешний житель, – сказала она, с трудом подбирая русские слова, – привык все покупать на базар. Он ездит в город каждое воскресенье, а это неудобно. Это дорого. Для них надо открыть в Осиновка небольшой магазин. Соблазнить хороший товар – и дело пойдет. Я уверена... А начать лучше с мелочь: с дешевой материи, соль и сахар.

Павел с этими доводами согласился и ответил:

– Я всё понимаю, госпожа. Вот только не могу сообразить, где денег взять на первое время? Просто так торговлю не откроешь.

– Займи у мой дедушка, – с простодушной улыбкой посоветовала Леония, слегка придерживая рукой кончик шляпы от ветра. – Он по здешний меркам весьма богатый человек.

– А даст? – усомнился Павел.

– Обязательно, если я с ним поговорю перед этим... Он любит меня.

– Тогда я завтра же утром и зайду, – дрожащим от нахлынувшего волнения голосом ответил Павел.

– Заходи, – весело ответила Леония и поскакала к дубовому перелеску на бугре, где огромные деревья в этот час выглядели тяжеловесно и ярко, как на полотнах художника Куинджи. Павел пустил своего рысака следом за Леонией и уже через мгновение загадал, что если догонит её до ближнего дуба, то, действительно, станет когда-нибудь настоящим купцом. От этой мысли в его душе проснулся странный

азарт. Надо успеть, надо поскорее начинать строить новую жизнь...

Знак судьбы

Рано утром на следующий день Павел был во дворе у господ Бушуевых. В большом волнении стоял за кустами жасмина возле чугунной ограды и дожидался тайного знака Леонии, которая пообещала позвать его, когда будет нужно.

Наконец, этот знак был подан. Леония вышла на балкон в длинном шелковом платье синего цвета. Потом она остановилась у чугунных перил, обвела глазами жасмины под окнами и помахала Павлу рукой. Он понял ее знак, – стремительно вошел в парадную дверь, поднялся по широкой дубовой лестнице на второй этаж и направился по гулкому коридору направо, где в проеме дверей опять увидел Леонию. Она остановила его едва заметным взмахом руки и шепнула: «Он в кабинете. Ты знаешь, где кабинет?». Павел от волнения с трудом сглотнул, ответил кивком, что знает, и зашагал дальше. Сердце у него билось радостно и учащенно... Он миновал еще одну дверь, где на него удивленно посмотрела высокая дама в темном халате, и постучал в следующую.

– Войдите, – ответил откуда-то из глубины кабинета старческий голос. Павел протянул влажную от волнения ладонь к бронзовой ручке в виде ящерицы и решительно потянул её на себя. Дверь бесшумно отошла в сторону, и Павел увидел за ней невысокого, седого, приземистого старика в темном атласном халате, стоящего возле конторки боком к Павлу.

Старик живо повернул голову, изучающе посмотрел на Павла из-под густых бровей, и только после этого громко произнес: «Значит, торговлей решил заняться. Ну-ну...» Введенный невесткой в курс дела, Григорий Федорович Бушуев решил не томить слишком долго молодого человека. Спросил, жив ли еще его отец, крепок ли? Поинтересовался, что простой народ о нем говорит. И за разговором, как-то совсем обыденно, достал из конторки небольшую пачку ассигнаций и протянул ее Павлу худой желтоватой рукой. Павел заговорил было о расписке, о том, что без расписки взять деньги не может, на что дед недовольно махнул рукой, скривился и добавил: «Так отдашь. Я Киреевым доверяю. Еще дед твой у меня на сплаве работал, и сплавщик был отменный. Так отдашь. Ступай».

С этим и расстались.

Павел в тот день не шел, а летел домой, как на крыльях. Щеки у него горели, глаза излучали счастливый блеск, голова была забита самыми восхитительными планами, а в теле была разлита такая мощь, такая неумная сила, что он был почти уверен – сможет сейчас все. Весь здешний мир перевернет. Поставит всё с ног на голову, но своего добьется...

Правда, начинать пришлось с малого – с небольшой лавки, расположенной на бойком месте в центре села, мимо которой по выходным дням валом валил народ, направляясь в небольшую деревянную церковь на берегу реки.

Ходовым товаром в лавке поначалу стали спички и соль,

сахар и ситец, гвозди и пуговицы. Павел старался держать в своем магазинчике только то, на что был устойчивый спрос. И лишь однажды по неопытности привез из Казани красивые медные канделябры, которые пролежали у него в лавке несколько месяцев без движения, пока сердобольная Леония, жалеючи, не приобрела их для своей спальни.

Немного позднее на месте бревенчатой лавки появился вместительный каменный магазин, покрытый красной черепицей. Потом рядом с магазином выросла продолговатая кладовка с массивной кованой дверью. Чуть позднее рядом с кладовкой обосновалась небольшая рюмочная, которую местные жители тут же окрестили шинком. В общем, дело Павла Киреева постепенно стало крепнуть и разрастаться. Он был всё время в разъездах, в заботах, в делах. Подолгу задерживался то в Казани, то в Нижнем Новгороде. Иногда навещался и в Москву, откуда присылал домой красиво оформленные письма с сургучными печатями. Новая жизнь захватила его целиком, увлекла, изменила внешне, хотя внутри он всё еще оставался обыкновенным вятским крестьянином...

Традиции и легенды

Однажды осенью впечатлительная француженка Леония, оказавшая Павлу важную услугу, стала невольной свидетельницей древнего обряда местных марийцев из соседнего села под названием Шурма. Эти люди строили на речке Шурминке плотину, и под пение шамана, чтобы будущий паводок не разрушил земляного вала, чтобы рыба в пруду никогда не переводилась, положили в основание плотины красивый, плетеный из лозы настил, устланный полевыми цветами. Леония решила, что на этот подиум они помесят какое-то божество (татем) и будут исполнять возле него ритуальный танец. Но вместо этого странные люди в темном, напевающие какие-то древние заклинания, привязали к настилу молодую непорочную девушку в белой сорочке, и под звуки ритуального бубна засыпали её красной глиной из ближнего холма. Потом кто-то из людей стоящих рядом с Леонией пояснил, что в этом обряде нет ничего необычного, потому что так когда-то завещали им делать пращуры. Так всегда поступал их старый и мудрый вождь Шур-Мари, который правил марийским народом много лет, и при нем жили они счастливо. Леония была так поражена этим страшным обычаем коренного народа, что долго не могла прийти в себя. Ей казалось, что подобная дикость нигде в мире уже не существует, что эта традиция умерла вместе с последни-

ми язычниками. Она восприняла этот обряд, как преступление, которое требуют сурового наказания, суда и расплаты... Леония на какое-то время, забыла, что находится в России. А Россия всегда делилась на две части, одна из которых была цивилизованной и культурной страной, стремящейся походить на Европу, а другая оставалась нищей и варварской, в которой могло произойти и происходило всё, что угодно. Одна часть России кичилась роскошью и богатством, а другая старалась как-нибудь выжить в суровых условиях севера, забывая на время о красоте и нравственности, о сочувствии и справедливости...

На следующий год, вопреки опасениям местных жителей, платина на речке Шурминке устояла. Не справился с ней бурный весенний паводок, собирающий талую воду с угрюмых окрестных лесов. Не размыли её летние дожди, не повредило долгое осеннее ненастье. Водная гладь пруда была широка и спокойна всё лето. Медведи и лоси приходили к пруду напиться, отовсюду слетались к нему дикие птицы, гуси и утки бороздили его зеркальную гладь. Только юная красавица Леония не могла находиться на его берегу. Ей казалось, что в крике этих птиц она слышит тонкий и жалобный голос той девушки, которую принесли здесь в жертву, что в темной воде пруда есть что-то зловещее, предвещающее беду.

После это страшного события Леония заинтересовалась историй марийского народа, и однажды в соседнем селе под

названием Кизерь случайно встретила старого марийца – рыбака, про которого говорили, что он знает много ни кому неизвестных сказок и преданий.

На одном из марийских праздников Леония разговорилась с этим стариком, подарила ему красивый глиняный мундштук и попросила рассказать какую-нибудь древнюю легенду. Старик угрюмо поинтересовался, для чего ей это нужно? Она ответила, что многих вещей, которые сейчас происходит в России, не понимает, и это непонимание очень угнетает её. После этих слов старый мариец посмотрел на молодую особу более дружелюбно, помолчал немного и начал свой рассказ такими словами:

– Род марийский начался с Юлы-бога. Юла-бог всегда жил на небе и была у него одна единственная красавица дочь. Вот только женихов на небе ей не находилось. Потому что в ту пору на небе жили только святые и ангелы. Юла-бог был работающий, поэтому на небе работников не держал. Он сам исполнял всю тяжелую работу, а дочь посылал на землю скот пасти... На небе травы, как известно, нет.

Большое стадо Юлы-бога надо было каждый день спускать на землю. Для этого Юла-бог растворял пасмурное небо, раскидывал войлок серых туч до самой земли и спускал по нему скот на обширные лесные поляны.

Вместе со стадом коров и лошадей спускалась на землю и его юная дочь.

Однажды, будучи на земле, небесная девушка встретила

там с красивым и статным юношей. Звали этого юношу Мари. Девушка влюбилась в него и попросила юношу отправиться вместе с ней на небо. Но на земле Мари жил вольно и весело. Он не согласился пойти к Юле-богу на небо, потому что для него это было равносильно смерти. Девушка же из-за любви к юноше не хотела подниматься к отцу в облака, и поэтому решила навсегда осталась на земле.

Она вышла за Мари замуж... Вскоре у них появились дети. Они стали первыми представителями древнего народа Мари Эл...

Следующая легенда старого рыбака рассказывала о великом сказителе марийских преданий по имени Моисей Сахалинский. В ней говорилось о том, что Моисей Сахалинский идет по земле от села к селу и учит людей жить по заветам предков. Он открывает народу глаза, чтобы те могли узреть свет истины. Скоро Моисей Сахалинский вновь явится людям и возвестит им свои пророчества. Странствующий человек Моисей Сахалинский знает не только легенды прошлого, но и легенды будущего. Легенды того мира, который ещё не наступил. Ибо будущее часто повторяет забытые притчи прошлого, которые поросли быльем... От камней древних развалин узнает Моисей Сахалинский свои легенды и собирает эти камни, чтобы выстроить из них мост в будущее. Ибо только на камнях прошлого может устоять новое время. Только на камнях вечности можно построить дом будущего. Потому что камни эти помогают людям миновать поле брани

и не споткнуться о булыжники лжи. Но, чтобы самим в камне не превратиться, надо верить древним преданиям и знать, о чем они говорят. Язык камней звучит тихо, как летящая стрела, да ударяет больно. И на месте удара вырастает цветок папоротника, который видно издалека, как видно издалека первые лучи солнца.

Павел и Александра

2 мая 1901 года купец второй гильдии Павел Киреев, сухощавый, но крепкий мужчина 38 лет, с небольшой бородкой клинышком и пышными усами, справлял свадьбу. На эту свадьбу были приглашены все знатные люди, проживающие поблизости от Осиновки, включая лесопромышленников Бушуевых, горнозаводчиков Масловых и помещиков Лариных. Свадебное веселье было дорогим и ярким. Началось оно в новом каменном доме Павла, а закончилось грандиозным фейерверком на берегу расположенного поблизости пруда и катанием на лодках.

Потом на лужайке перед домом были включены фонтаны, на веранде нового купеческого дома заиграла музыка, и начались танцы, которые продолжались всю ночь до утра.

Женой Павла Киреева стала дочь урядника Прохора Шамова, Александра, которой в ту пору только – только исполнилось восемнадцать лет. Эта девушка была стройна и красива, но в чертах её явно просматривалось что-то от ликов святых, а в глазах читалось смирение.

Александра была девушкой стеснительной, но не по годам мудрой. Она прекрасно играла на пианино, а вечерами читала рассказы Ивана Тургенева с той романтичностью в душе, которая свойственна людям искренним и честным, готовым на подвиг служения близким людям и Родине. У нее был

только один изъян – полное отсутствие жизненного опыта...

В счастливом браке Павла и Александры родилось семеро детей. Четыре мальчика и три девочки. Все дети в этой семье отличались природной красотой, кротостью и добрым нравом. Правда, старший сын Илья, совершил в детстве один неприглядный поступок. Пользуясь длительным отсутствием отца, отбывшего в Казань за нужным товаром, он вывел из гаража новую английскую машину, блестящую черной краской, и решил покатать на ней местных девчат. Девчата были рады проехаться с ветерком на непривычном для здешних мест транспорте. Темная машина, звонко тарахтя и поднимая пыль, пронеслась по Осиновке от центра села до реки, потом повернула обратно. Местные жители выскочили из своих приземистых хижин, чтобы увидеть новое чудо техники. Стояли вдоль дороги, что-то весело кричали и размахивали руками.

Всё шло хорошо, но на одном из поворотов неопытный водитель с управлением не справился и неожиданно вцепился в тонкую березу на углу главной улицы, которую по фамилии основателя все называли Бушуевской. Автомобиль был изрядно помят, девчата обзавелись синяками и ссадинами, а молодая береза поле удара стала быстро расти, но не вверх, как положено, а вширь – в разные стороны, постепенно занимая всё больше свободного пространства. Её корявые ветви постепенно запрудили всю главную улицу. Потом ветви березы двинулись вдоль улицы, заполняя узкие промежутки

между домами. Испуганные жители Осиновки стали нещадно пилить березовые ветви на дрова, делали из них метлы и веники, дуги и оглобли. Но рост березы не прекращался. Людям стало казаться, что потревоженная береза стала расти не только летом, но и зимой в самые лютые морозы. Дети заметили, что на теплых ветвях её проводят ночь ленивые местные вороны, галки и коты. Старики стали говорить, что это скверный знак, говорящий о том, что вскоре в Осиновке может произойти событие, которое навсегда изменит привычную жизнь людей. Скоро произойдет то, чего никто не ожидает. Это будет подобно чуду. Только какое это будет чудо – плохое или хорошее, никто пока не знает.

Переворот

Дело купцов Киреевых процветало вплоть до 1917 года. Павел за это время успел открыть в соседних селах несколько магазинов. Стал купцов второй гильдии, построил на свои деньги небольшую каменную церковь в центре Осиновке, куда приходил со всем своим семейством каждое воскресенье. Стал помогать нищим и бездомным, жертвовал на строительство сельских школ, больниц и богаделен.

Лучшими друзьями Павла стали урядник Прохор Громов и дьякон Георгий Столбов. С ними Павел Киреев любил побеседовать летними вечерами на просторной веранде своего двухэтажного дома из красного кирпича, карниз которого по фасаду был украшен резным фризом из белого туфа, а лестница главного входа состояла из литых чугунных плит с причудливым цветочным орнаментом. В своих беседах друзья не стеснялись критиковать политику царской России за косность и неповоротливость, открыто восторгались западной демократией и жалели, что в их стране столетиями ничего не меняется, ничего интересного не происходит.

В хорошую погоду Павел гулял по Осиновке в темном сюртуке из казинета, на голове у него была серая фетровая шляпа, в руке поблескивала коричневым лаком изящная деревянная трость. Из бокового кармана сюртука золоченым прогибом свисала цепочка от карманных часов фир-

мы «Блондель». Он производил впечатление состоятельного человека, который всё может. Ему казалось, что так сейчас будет всегда...

Но уже в середине лета 1918 года местные комбедовцы во главе со Степаном Лукьяновым решили по законам нового времени «разобраться» с купцами Киреевыми и лесопромышленниками Бушуевыми, которые много лет угнетали местный народ. Вооружившись топорами и вилами, они ринулись к массивным каменным домам богатеев. Окружили их со всех сторон и приказали открыть ворота. Но революционный порыв бедноты на этот раз оказался напрасным. Павла Кареева дома они не застали. Незадолго до этого он уехал в Казань за очередной партией товара и как сквозь землю провалился. Потом прошел слух, что на чужбине он сильно простудился, заболел воспалением легких и умер.

От большого семейства Бушуевых в Осиновке тоже ничего не осталось. Предчувствуя неладное, братья Бушуевы заблаговременно покинули Россию.

Но волна революционного энтузиазма у комбедовцев от этого не утихла. Их энтузиазм должен был во что-то вылиться. Поэтому молодые люди, озлобленные неудачей, разбили топорами все мраморные надгробья знатных людей на местном кладбище, раскрыли и разломали каменные склепы, порушили ограды и кресты на могилах представителей чуждого им класса.

Процедуру запланированного грабежа Александра пере-

несла стойко, вот только никак не могла сладить со Степаном Лукьяновым, который был у местной власти за главаря и все требовал от нее показать то место, где зарыто фамильное золото. Видимо, все богатства мира этот человек представлял себе в виде золотых червонцев царской чеканки, в виде клада, который полагалось упрятать в железный сундук и закопать в землю. Александра тысячу раз объяснила молодому грабителю, что их сбережения хранились в волостном банке, который давно национализирован, а столовое серебро обменю на хлеб для детей. Но Степан этих отговорок не принимал. Он не хотел в это верить. С вечера забирался в колючий куст шиповника, выросший напротив купеческого дома, и, сжимая в руке пистолет, всю ночь сидел там, ежась от холода и дожидаясь, когда Александра с детьми пойдет откапывать свои сокровища.

Поиски правды

В октябре 1918 года, напуганный начавшейся смутой, старший сын Киреевых, Илья, уехал за помощью в Вятку. Он был очень юн и всерьёз надеялся, что, если поспешить, то в России ещё можно навести законный порядок.

В Вятке Илья постарался встретиться с главным редактором газеты «Вятская речь» Николаем Аполлоновичем Чарушиным. Когда-то, очень давно, Николай Аполлонович был проездом в Осиновке. Пил чай на просторной веранде у лесопромышленников Бушуевых, трепал маленького Илюшу по курчавой голове, оживленно беседовал с Александрой, шутил с Павлом, которого считал настоящим русским самородком, зачинателем новой купеческой династии. Газету «Вятская речь» в доме купцов Киреевых читали вслух и узнавали из неё все главные новости.

Николай Аполлонович принял Илью тепло, поинтересовался, как живет провинция, и посоветовал пока что домой не возвращаться, если, конечно, есть такая возможность.

– В Петрограде объявлена гражданская война, – сказал он. – И в этой войне повинно не только царское правительство, повинны все мы.

После этого он замолчал, встал из-за стола, подошел к высокому окну, заложил руки за спину, и, глядя далекие купола Трифоновского монастыря, обреченным голосом продол-

жил:

– Я думаю, что это конец. Дальше идти некуда. Мы должны повернуть обратно, пока ещё не вся Россия заражена большевизмом.

Илья спросил, кто же руководит большевиками, о которых до последнего времени никто ничего не знал? Кто они, эти люди? Николай Аполлонович криво усмехнулся, потом сделался мрачен и ответил:

– В Петрограде – Ленин, а здесь, у нас – самочинный губернский комиссар, матрос Лупарев – весьма одиозная личность. И рядом с ним какая-то откровенная шпана – выпускник реального училища Капустин и землемер Попов.

– А еще, говорят, есть какие-то военные? – дополнил картину Илья.

– Да. Так называемые революционные балтийские матросы во главе с Наумом Анцеловичем... И запомните, молодой человек. Если большевики победят, то победят только за счет террора, за счет большой крови, а для этого им потребуются сотни безжалостных убийц. Все эти Троцкие, Каменевы и Зиновьевы не любят и не знают русский народ, им нужна только власть... И если они её получают, то будут держаться за нее любой ценой.

После этих слов Николай Аполлонович ещё долго стоял, повернувшись к Илье спиной, и молчал, глядя на унылую панораму города. Потом произнес: «Не дай Бог»! – и направился к столу, где тлела в стеклянной пепельнице не потухшая

папироса, испуская тонкую спиральку сизого дыма. Илья увидел на столе бюст Руссо с овалом медных буклей, стопку свежих газет и несколько белых бумажных листов, плотно исписанных чьей-то старательной рукой. Николай Аполлонович со вздохом опустился в кресло редактора и снова повторил: «Не дай Бог»!

Илья понял, что разговор завершен. Пора было уходить...

На следующий день Илья из Вятки уехал, но не домой, а к дальним родственникам по материнской линии, проживающим в небольшой деревне Козловка, которая находилась недалеко от Казани. Настроение в ту пору у него было скверное, жизненных планов никаких – только плохие предчувствия...

И, надо сказать, эти предчувствия скоро оправдались. Мать из Осиновки написала, что их двухэтажный каменный дом ни с того ни с сего отобрали комбедовцы. Они решили разместить в нем местную начальную школу. Александра сопротивляться новой власти не стала, только не понимала, кто в этой школе будет детей учить, так как все грамотные люди разбежались из Осиновки кто куда. Нет уже в их уезде ни горнозаводчиков Масловых, ни лесопромышленников Бушуевых, ни помещиков Лариных, а задиристые местные пролетарии толпами ходит по улицам с красными флагами и революционные песни поют. С возвращением в Осиновку мать просила повременить, так как красные комиссары,

по слухам, живых людей в землю закапывают, требуют, чтобы бывшие богатеи передали им царское золото, которое всё без остатка должно принадлежать революционному пролетариату. Поэтому, если Илья хочет выжить, то о своем происхождении пусть помалкивает. Может, тогда и обойдется.

Чужая

Так получилось, что дети Павла и Александры, слишком быстро окунувшись в нищету и бесправие, не смогли получить от родителей ничего, кроме приличного домашнего воспитания. В лихие двадцатые годы Александра работала то прачкой, то уборщицей в разных государственных учреждениях. Зарабатывала своим трудом детям на хлеб и смогла приучить их только к одному – стойко переносить разного рода лишения и тяготы. Уж чего-чего, а этих самых лишений и трудностей было у них впоследствии хоть отбавляй. И все эти лишения казались Александре какими-то странными и бессмысленными, продиктованными суматошным ходом революционных перемен. И, что самое удивительное, младшие дети настолько к такой жизни привыкли, что научились любить свою Родину, несмотря ни на что. Потому что она (где-то там, далеко), оказывается, самая красивая и сильная, самая счастливая и свободная...

Если честно признаться, в те годы ближе всех Александре стал старший сын Илья. Он всё ещё ждал, что когда-нибудь наступит такое время, когда Россия встанет на правильный путь. Жизнь в ней приобретет простые и реальные черты, без идеологических рамок и репрессий, без надлома и надрыва. А младших детей уже не понимала. Младшие по складу ума становились какими-то чужими, как будто они при-

летели с другой планеты, где действуют свои законы и правила. Где всё по-другому.

Дошло до того, что один из них сказал матери, будто отец у них умер вовремя, иначе его могли бы и расстрелять.

– За что? – не поняла удивленная и обиженная Александра.

– Как за что? Он же он был настоящий купец, угнетатель трудового народа, классовый враг, – пояснил неразумный ребенок, глядя на мать ясными глазами, полными безрассудной искренности.

С того дня Александра решила для себя, что с детьми на политические темы лучше не говорить, лучше с ними не спорить. Всё равно это бесполезно. Она поняла, что Страна Советов сделает её детей другими, не такими, как она, как её родители, деды и прадеды. Это были уже как бы не её дети, а дети чужой Страны, дети новой эпохи, в которой она так и не смогла до конца разобраться...

Слава Богу, Илья окончил лесной техникум и устроился на хорошую работу в Шурминском лесничестве. Лесничество располагалось недалеко от Осиновки в красивом лесном поселке под названием Немда. Этот лесной поселок со всех сторон был окружен высокими корабельными соснами. В ясный день их стволы и ветви становились охряными, а вечерней порой отдавали обманчивой коричневатой зеленью. Все дороги в лесном поселке были песчаными. Дож-

девая влага на них долго не задерживалась, поэтому в маленьком поселке всегда было сухо, а в воздухе витал смоляной запах хвои. Старожилы в этом лесном поселке придерживались старой веры. Они не употребляли спиртного, держали много скотины и разводили пчел. Женатые мужчины в Немде носили окладистые бороды, много работали, никогда не унывали, а вечерами пели длинные и печальные народные песни. Говорят, многие из них доживали до ста лет и до конца дней своих не знали, что такое зубная боль.

Буй времени

Второй сын Александры, Иван, с детства был излишне молчаливым и задумчивым. Александра всем сердцем желала ему добра, усердно за него молилась, но где-то в глубине души сомневалась, что жизнь у него сложится удачно и счастливо. Слишком много вопросов и сомнений теснилось в его голове, слишком много было в ней нелепых желаний.

Надо сказать, что Иван большим умом с детства не отличался. Успехами в школе тоже похвастаться не мог, зато всегда много читал и мечтал о путешествиях, которые хорошо и красочно описал в своих романах английский писатель Вальтер Скотт. Мечта о путешествиях поселилась в его голове, как червь в яблоке и не давала ему покоя ни днем, ни ночью.

В конце концов, неожиданно для всех, он ушел из дома, куда глаза глядят, прихватив с собой топор и лучковую пилу. Причем, свое путешествие Иван начал от столетнего дуба за садом, на грубой коре которого вырубил большую стрелу, указывающую на запад...

Путешествовал он тридцать лет три года и три дня. Обошел всю землю по экватору и везде, где был, ставил зарубки на деревьях, видимо, намереваясь по этим зарубкам когда-нибудь вернуться обратно. Иван ушел из Осиновки во-

семнадцатилетним юношей, а вернулся домой исхудавшим стариком с плешивой головой и сухой морщинистой шеей, на которой всегда висел внушительных размеров православный крест.

После возвращения на родину от Ивана ждали захватывающих рассказов обо всем, что он видел на длинной жизненной дороге. Ему приветливо улыбались, приглашали на уху с водочкой, на чай с медом, на блины. Но он, как назло, ни с кем не встречался и не пытался что-либо объяснить. Целыми днями Иван сидел под старым дубом, от которого начал когда-то свой путь, и молчал. Жизнь для него превратилась в сплошное созерцание, сопряженное с погружением в прошлое, из которого почти невозможно сделать какой-либо вразумительный вывод.

Немного погодя люди решили, что он собирается написать о своем путешествии большую и занимательную книгу, в которой постарается рассказать обо всем, что видел. Дядя Ваня был сейчас для односельчан чем-то вроде Афанасия Никитина и поэтому вполне мог рассчитывать на сочувствие и понимание.

Но великий путешественник почему-то ничего не написал, он даже не разговорился ни с кем по душам. Он был погружен в какие-то свои тяжелые мысли, и поэтому лицо его выражало то недоумение, то скрытое страдание. И только однажды, когда уважаемый всеми местными жителями школьный учитель литературы Антон Ильич Зверев спросил

у него, как он находит жизнь в далеких краях, Иван кратко ответил:

– Никак.

Учитель был озадачен его ответом, но не растерялся и спросил снова:

– А кому на Руси... хорошо живется? Где в России земля обетованная? Есть ли такая?

– Нет такой земли, – кратко ответил Иван без раздумий, а потом продолжил: – Затопила русскую землю черная вода. Черные люди идут по земле, черные мысли несут в головах, черную силу несут на штыках. Был Христос заступник, да не спас. Были золотые купола, да чернь их разбила, а власть себе забрала. Не спасла молитва святая, как напала черная стая. А сейчас нам не жить, ни петь – нам сто лет терпеть. Нам стоять немymi крестами да смотреть, что делают с нами. По колено в крови стоять и по горло в крови стоять. Если выстоим, тождемся Спаса. А не выстоим – воля наша...

На этом расспросы и закончились. Озадаченный учитель ушел восвояси, а Иван погрузился в тяжелые мысли и стал неподвижен, как старый еловый пень без коры...

А на следующий день странного любителя путешествий нашли под дубом бездыханным. И при этом он не выглядел ни жалким, ни растерянным, ни удивленным. Впечатление было такое, как будто усталый путник наконец обрел покой.

Приехавший вскоре участковый милиционер ничего примечательного под дубом не нашел. Только старый топор, луч-

ковую пилу, обрывки газет да сухую, шуршащую, как снег, яичную скорлупу.

Зато местные мальчишки стали уверять, что видели в соседнем лесу огромный камень-валун, на котором что-то написано масляной краской. Правда, на их слова никто, как водится, внимания не обратил. Лишь сухая и набожная старушка Софья Николаевна Архиреева в тот же день под вечер собралась по-походному и, увлекаемая своим внуком Егоркой, отправилась в Бушковскую рощу, что располагалась за широким лугом, как раз напротив Осиновки. Там в болотистой низине нашли они огромный белесый камень-валун, до половины заросший какими-то диковинными синими грибами, а выше грибов исписанный тёмной краской так мелко и коряво, что трудно было разобрать слова.

Егорка привстал на цыпочки и по слогам прочитал:

«Буй времени

Брошен сей Иваном Киреевым в реку вечности, чтобы через сто лет обрести свое прошлое неизменным. Когда обретет свое прошлое Родина моя, освободившись от гнета вождей и тиранов. Тогда явлюсь я народу в чистом образе и провозглашу пришествие Нового времени. А пока черная река укроет меня саваном своим. Ибо и Россия в саване, и мир в саване, и умы, и лица людей. Черная река течет издалека. Черная река затопит полмира. Погибнут невинные

и виновные вместе с ними. И не будет спасения никому. Потому что забыли люди о том, кто над нами. Потому что стали поклоняться богу земному. Правды просить у него, и любви просить у него, и прощения. Забыли, что не на земле тот, кто всё знает. Не на земле тот, кто всё видит. Забыли, что не тот Бог, что указывает путь, а тот, кто от ложного пути оберегает».

Выслушав слова внука, Софья Николаевна всплеснула руками от удивления, запричитала что-то, но потом спохватилась и попросила Егорку взять в руки камень покрупнее да стереть всю эту писанину, пока краска не засохла. Потому что святотатство это. Не пристало нормальному русскому человеку, воспитанному в традициях православия, о таких вещах рассуждать.

Третий сын

Третий сын Александры Киреевой, Николай, внешне очень походил на своего отца, но с детства рос слабым, часто болел, и ни в чем не проявлял особого усердия. Несмотря на всё это, Александра любила его больше всех остальных детей и очень хотела, чтобы он выучился на врача.

Земской врач Филимонов, проживающий в Осиновке по соседству с Киреевыми, на судьбу свою не жаловался. Он имел прекрасный дом и слыл человеком состоятельным. Причем, политические передраги обходили его стороной. Он был одинаково почтителен и с господами, и с комиссарами, всех называл на вы, со всеми здоровался, а в летнюю пору в знак уважения даже слегка приподнимал при встрече с односельчанами широкополую фетровую шляпу.

После церковно-приходской школы Александра отправила Николая на учебу в Уржумское реальное училище, где он на удивление скоро стал первым учеником, подружился с хорошими людьми и стал мечтать о блестящей карьере.

Но окончание реального училища, как назло, совпало с эпохой сталинской коллективизации, с началом беспощадной борьбы с кулачеством. Дотошные государственные служащие в это время стали внимательно следить за классовым составом абитуриентов, и путь в медицинский институт для сына купца второй гильдии был закрыт навсегда. Николай

попробовал было отдать документы в медицинский техникум, но и там точно так же получил отказ.

Разочарованию молодого человека не было предела. В отчаянии он вернулся в родное село, со слезой в голосе признался матери, что лучше повесится, чем пойдет по стопам своих родственников, ставших бесправными колхозниками. Мать поняла сына по-своему, как смогла, успокоила, собрала в доме последние деньги и отправила Николая с попутным транспортом в Вятку, где в ветеринарном техникуме у господ Бушуевых работал какой-то дальний родственник по фамилии Реус.

Через этого человека Николай смог устроиться в ветеринарный техникум вольным слушателем, где вскоре показал себя как примерный ученик и по ходатайству педагогического коллектива был переведен в студенты.

Позднее учебу в техникуме Николай вспоминал, как самое лучшее время своей молодости. Там он впервые полюбил по-настоящему, впервые спел несколько романсов в местном самодеятельном коллективе и так отчаянно увлекся музыкой, что вскоре стал исполнять со сцены классические арии из самых известных опер. У него обнаружился приличный голос и хороший слух.

После окончания техникума ему предлагали много хороших должностей по всей Вятской губернии, дали направление в институт, но он решил вернуться обратно в Осиновку, чтобы пожить немного в кругу семьи, по которой сильно со-

скупился за годы учебы. Это и стало его роковой ошибкой.

Местная советская «шпана» во главе со Степаном Лукьяновым приняла нового ветеринара холодно, если не сказать, враждебно. Но Николай не огорчился, он решил, что должен преодолеть все трудности.

Дома он почти не ночевал, всё время был в разъездах, в заботах, в делах. Но когда на очередной вечеринке спел несколько старинных романсов под гитару, а после весь вечер танцевал только с Глафирой Малининой – Степановой зазнобой, судьба его была решена.

Степан Лукьянов вскоре написал, куда положено, небольшую депешу, где обвинил Николая во всех грехах смертных. В депеше сообщалось о том, что Николай в колхозном стаде забраковал и отправил на мясо двух здоровых быков, руководствуясь исключительно злым умыслом, как настоящий классовый враг, сын врага народа, купца второй гильдии.

Через месяц Николая судила всесильная «тройка». День был пасмурный, не предвещающий ничего хорошего. В небе кружила темная стая ворон, с берез уже облетали первые желтые листья.

Незадолго до суда мать посоветовала Николаю нанять хорошего адвоката. Нужные для этого деньги она постарается найти. Но Николай от предложения матери отказался, сказал, что ни в чем перед страной Советов не провинился, что он чист перед законом и людьми.

На рассмотрение дела Николая Киреева «особому совеща-

нию» потребовалось двадцать минут. Суд решил, что в своих действиях он руководствовался злым умыслом, как классовый враг, что он виновен по всем пунктам обвинения и снисхождения не заслуживает...

Первое время в тюрьме Николай хотел повеситься, полагая, что его осудили незаслуженно и несправедливо. Он не ел, не пил, не замечал, что происходит вокруг. Но потом решил, что должен пройти свой путь до конца, как обыкновенный великомученик, движимый одной вполне понятной мыслью о том, что «Бог терпел и нам велел».

Смирение помогло. Вскоре начальник тюрьмы разрешил ему свободный выход в город на работу и помог устроиться по специальности в местную ветлечебницу, где в ту пору остро не хватало квалифицированных кадров.

В первые дни на работу и с работы Николай сопровождал сотрудник охраны, а потом его стали отпускать одного, потому что он показался тюремному начальству человеком дисциплинированным и честным.

Николаю Кирееву было тогда двадцать лет, у него были темные, густые, вьющиеся волосы. Острый и правильный нос ещё не имел той горбинки, которая изуродует его после удара лошадиным копытом. Широко раскрытые глаза смотрели удивленно и искрились предчувствием скромного счастья...

В общем, так получилось, что вскоре у него появилась знакомая девушка, которая понравилась Николаю с первого взгляда. Она работала в той же ветеринарной лечебни-

це, что и Николай, только врачом и была его непосредственной начальницей. С этой девушкой он почувствовал себя на равных. Она обладала красивым грудным голосом и умела с приятной легкостью рассуждать обо всем на свете. Ее общительность, улыбчивость и добрый нрав восторгали не искушенного в любви Николая. Можно сказать, что он впервые по-настоящему влюбился. И если бы не одно досадное обстоятельство, кто знает, как сложилась бы его дальнейшая судьба.

А случилось вот что.

Однажды после очередной встречи со своей девушкой он вовремя не вернулся в городскую тюрьму, где должен был находиться на вечерней поверке в десять часов вечера. Такое и раньше с ним случалось, но проходило тихо, без особых последствий. Он объяснял ночному дежурному, что вынужден был задержаться на работе и тот без раздумий открывал перед ним железную дверь. Но на этот раз почему-то всё было иначе. На этот раз его не пустили в камеру до особого распоряжения начальника тюрьмы.

Утром его не выпустили на работу в город, а после обеда в спешном порядке отправили по этапу в Томские лагеря, ничего толком не объяснив. На пути в Вятку от знакомого охранника он узнал, что его любимая девушка, которой он так восторгался все последние дни, оказалась единственной дочерью начальника тюрьмы, Петра Алексеевича Злобина...

В Вятской тюрьме Николай получил первые в своей жиз-

ни тычки и подзатыльники, которые показались ему особенно обидными оттого, что своей вины перед Отечеством он не чувствовал, искренне полагая, что его осудили несправедливо, неправильно и не по закону...

Дорога к вечному смыслу

Поезд с многочисленными заключенными, одетыми в серые ватники, отошел от станции «Вятка» в Томские лагеря в середине сентября 1936 года. Погода в тот день была мрачная, шел мелкий дождь, дул резкий северный ветер. В бесцветной жидели осеннего неба над голыми вершинами деревьев теснились плоские багровые облака.

По какому-то странному недоразумению, или по чьему-то коварному умыслу, Николай Киреев оказался в одном вагоне с матерыми уголовниками, которых всегда представлял себе безжалостными убийцами. Первые километры пути Николай неподвижно сидел в углу вагона на своем домашнем чемоданчике, боясь вздохнуть полной грудью. Сидел так, как будто ждал решения своей судьбы, своей участи.

Уголовники за столом играли в карты, но запах жареной курицы из чемодана случайного попутчика их не миновал. Эту злополучную курицу за день до отправления поезда привезла Николаю мать из деревни, и он решил сохранить ее для дальней дороги. Бывалые зеки предупреждали, что в пути кормят плохо, только черным хлебом да соленой рыбой. Переход от классического романа к тюремному быту оказался для Николая слишком неожиданным и резким. На какое-то время он растерялся и не знал, как ему поступить. Открыть чемодан, чтобы угостить курицей своих попутчиков,

или попытаться оставить её для себя? Ему давно хотелось есть, но он старался подавить в себе это желание. Растерянность и животный страх овладели им.

В какой-то момент из-за стола играющих в карты громил поднялся голый до пояса человек с блестящим ножом в руке. Нахально подошел к Николаю, неподвижно сидящему на своем чемодане в дальнем углу вагона, и брезгливо сквозь зубы попросил его встать с дорожной кладки. Николай решил, что сейчас его будут убивать, потерял от страха последние силы и подняться на ноги не смог. Тогда полуголый громила зашел Николаю за спину, рявкнул что-то грозное и резким ударом натренированной руки вонзил нож в крышку чемодана. У Николая было ощущение, что нож вошел ему под лопатку. Последовало несколько ловких движений, сопровождаемых общим хохотом воровской братии, и содержимое чемодана вывалилось на пол вагона через прореху в боку. «Угощайся, братва!» – выкрикнул довольный потрошитель, бросая на стол перед игроками аппетитную добычу. Через несколько минут от нее не осталось и следа. После этого карточная игра возобновилась, и в какой-то момент до Николая донеслась фраза:

– А кто этого будет кончать?

– Тот, кто сейчас проиграет, – прозвучал ответ.

И Николай понял, что это конец. Игроки за столом поставили на кон его жизнь. Он был для них всего лишь очередной жертвой, с которой предстояло расправиться.

Играющие в карты люди то и дело с усмешкой посматривали на него, зло шутили и переговаривались между собой на каком-то странном языке, где обычные вещи назывались неизвестными Николаю именами. Молодой ветеринар почувствовал, как сильно он вспотел, что вся его спина начинает гореть от жара, а ноги между тем мерзнут. Его дыхание стало частым и неровным. Если бы это состояние продолжалось очень долго, он бы не выдержал. Умер бы от разрыва сердца или сошел с ума.

Но на одной из станций поезд стал притормаживать и медленно остановился. Потом какой-то человек, стуча каблучками по перрону, пробежал вдоль состава из одного конца в другой, крича: «Киреев! Киреев! В каком вагоне Киреев Николай?»

Краснорожие картежники, презрительно улыбаясь, стали наблюдать за испуганным попутчиком, как он поступит. В конце концов, кто-то из них с издевкой изрек:

– У тебя что, язык жопа съела?

Остальные дружно рассмеялись.

И в этот момент Николай, наконец, преодолел себя. Желание жить стало сильнее обиды и страха. Он бросился к двери и закричал хриплым голосом:

– Я здесь. Я здесь! Откройте!

Дверь со скрипом отошла в сторону. Он ослеп от яркого света, спрыгнул на землю, снял шапку с потной головы и увидел, что вместе с шапкой снялась с головы вся его гу-

стая шевелюра. Солдат охранник, по долгу службы присутствующий при этом, удивленно проговорил:

– Вот оно, наказание-то божье! Бог шельму метит.

Но Николай не услышал в словах охранника даже намека на оскорбление. Он был жив, несмотря ни на что, он вновь увидел солнце, и это было для него самое главное. Теперь ему хотелось просто надышаться свежим воздухом, понимая, что очередное испытание уже позади.

Настоящая жизнь была сейчас где-то далеко-далеко. Он это знал, но ничего не мог изменить, ничего не мог с этим поделать. Он знал, что эта жизнь чужая – не его, не для таких, как он. Но он также знал, что эти страшные испытания когда-нибудь закончатся. Пусть рядом с ним человек с ружьем, собаки, готовые в любой момент разорвать на куски. Всё равно, всё равно – это его родина, это его земля, это его судьба, а значит, и его Бог. Как же может он не любить всё это? Он, который сам часть этой земли, часть этого воздуха, этого низкого серого осеннего неба.

Город будущего

Между тем жизнь в Осиновке шла своим чередом. Осиновка, несмотря ни на что, крепла и разрасталась, точно так же, как крепла и менялась на глазах вся Россия.

Всего за несколько лет в Осиновке, на берегу Вятки, была построена огромная нефтебаза. Следом за ней на месте деревянных складов купца Шамова возник Хлебоприемный пункт. Потом в домах лесопромышленника Бушуева разместился туберкулезный санаторий.

Но совершенно особым событием для Осиновки стало появление в ней ликероводочного завода, потому что именно после этого Осиновка стала быстро богатеть и превращаться в небольшой провинциальный городок со всеми атрибутами городского пространства.

Ликероводочный завод стал важной вехой в истории города, его эмблемой и надеждой на многие годы, потому что, несмотря на все революционные перемены и веяния, русский народ по-прежнему много пил, не для веселья, а для забытья. К тому же, налоги от продажи винной продукции составляли сейчас львиную долю местного бюджета.

Как известно, первым признаком города у нас на Вятке считается своя газета с громким названием. Так вот, настоящая газета под названием «Ленинская искра» появилась

в Осиновке в 1937 году, и учредили ее как раз работники упомянутого завода с целью агитации за трезвый образ жизни. Как водится, главным редактором газеты был назначен единственный в округе обрусевший немец Яков Семенович Эркерт. И хотя Яков Семенович был человек очень серьезный, про него тут же стали рассказывать смешные истории, якобы подтверждающие его феноменальную скупость.

Если честно признаться, Осиновку Яков Семенович не любил. Считал её захудалой провинцией. Его манили крупные столичные города, где талант Якова Семеновича как журналиста мог бы проявиться в полной мере. И родственников жены он недолюбливал, считая её братьев и сестер людьми недалекими, излишне простыми, неотесанными и неинтересными.

Порой ему представлялось, что он оказался в Осиновке по ошибке, по какому-то досадному недоразумению, и когда-нибудь эта ошибка будет исправлена неумолимым ходом истории. Он узнает, наконец, кто были его родители. Почему они стали врагами революции и были расстреляны, а он попал в детский дом, расположенный в густом лесу возле деревни под названием Савиново.

В детском доме рядом с ним находились дети Якира и Кассиора. Но Яков думал вовсе не о них. Он мечтал увидеться с кем-нибудь из своей большой семьи. Встретить дядю, тетю, двоюродных братьев и сестер, которые о нем пока что ничего не знают.

С детства Яша чувствовал себя одиноким, но талантливым ребенком. Он хорошо учился, прекрасно рисовал, писал стихи и небольшие рассказы в школьную стенгазету. Но в детском доме, затерянном в вятских лесах на берегу неширокой речки Кизерки, всё это почему-то не ценилось. Там поощрялось послушание и трудолюбие. Воспитанник детского дома должен был четко знать и выполнять свои «святыя обязанности». Он должен был много трудиться на огороде и в соседнем колхозном поле, крепко спать и делать по утрам физическую зарядку с обязательным обтиранием холодной водой. Он должен был любить свою Родину, которая самая сильная и великая, уважать старших и стремиться стать похожим на бесстрашного революционера товарища Гвоздовского, который много сделал для многострадального трудового народа.

Маленький Яша рос в детдоме, как птица в клетке, как дерево в глиняном горшке с узким горлом. И чем старше становился, тем сильнее хотелось ему вылететь из тесного гнезда, расправить крылья и устремиться к другим берегам. Но так получилось, что после школы его направили учиться в педагогический техникум, который он закончил с отличием, потом устроили на работу в среднюю школу рядом с детдомом, где он вскоре познакомился со своей будущей женой – белокурой красавицей Дуней.

Эта девушка в юные годы была восхитительна, стройна, изящна, умна и непривычно ласкова. Яков, впервые столк-

нувшийся с настоящей женской лаской, был поражен и обескуражен. Он не знал, что быть обласканным юной женщиной так приятно. Никто до этого не говорил с ним таким тоном, как Дуня Лукьянова, никто так заискивающе и с такой любовью не смотрел ему в глаза.

Яков не считал себя красавцем, носил на переносице очки в темной железной оправе и был слегка тяжеловат для двадцатилетнего юноши. Но Дуня, кажется, ничего этого не замечала. Она полюбила его внезапно, потому что увидела в нем будущего мужа. Она отважно отдалась этому неожиданному порыву и увлекла Якова за собой в тихую заводь совместной жизни, где у них вскоре появился свой дом, свои семейные заботы и свободное время, неумело заполненное короткими путешествиями по лесу.

Обретение дома и семьи стало для Якова Семеновича таким важным событием, что он на какое-то время забыл обо всех своих грандиозных планах. И только после появления на свет первого ребенка вдруг опомнился: нужно продолжать учебу дальше. Нужно добиваться большего, идти вперед, расти, но в это время, как-то неожиданно и очень некстати, заболел. У него появилась тупая боль в левом боку. Он обратился за помощью в местный медпункт, и опытный врач Федор Иванович Филимонов очень скоро поставил ему диагноз – язва желудка.

После этого Яков Семенович сник, с учебой, которая без волнений не дается, решил повременить. И уже довольно

скоро почувствовал, как из свободной птицы превращается в неподвижное дерево с корявыми ветвями и трещиноватой корой. Как постепенно его душа начинает подергиваться грибной плесенью оседлости, а тело пускает корни в холодную и влажную почву провинциальной жизни.

Древо революции

В конце августа тридцать девятого года Осиновку облетела страшная весть. В Краснояряске умер легендарный революционер Михаэль Гвоздовский, который прославился тем, что во время гражданской войны был послан большевиками на Вятку за хлебом для революционных рабочих Петрограда и с честью выполнил эту важную миссию. Вся местная молодежь со школьных уроков по истории знала, что продотряд под командованием Михаэля Гвоздовского бесстрашно прошел от Лузы до Краснояряска и везде, где был, сеял панику. Латышские стрелки из отряда Гвоздовского безжалостно расстреливали бородатых бунтовщиков, не желающих сдавать хлеб голодающему рабочему классу, подавляли кулацкие мятежи, боролись с враждебными проповедями недобитых священнослужителей.

В марийской деревне Большая Байса они стали свидетелями стихийного митинга, на котором крестьяне потребовали от представителей власти прекратить незаконный грабеж. Народу и так живется несладко, а хлеба у местных крестьян осталось только на семена для весеннего сева.

Но речи ораторов были расценены руководителем продотряда как контрреволюционная пропаганда. И товарищ Гвоздовский, не раздумывая, приказал своим подчиненным открыть по митингующим огонь. Плохо понимающие русский

язык долговязые солдаты огонь открыли. Убили двух баб, одну девочку-подростка и несколько бородатых мужиков в заношенных полушубках...

После этого бунтовщики сразу стали сговорчивее и два дня безропотно возили зерно к дому священника, где обосновался местный комитет бедноты.

Вторым подвигом Гвоздовского была борьба с бандой поручика Сарафанова, который стал на защиту обездоленных крестьян земли вятской. Сарафанов обладал приличным отрядом, поэтому Гвоздовский со своими латышскими стрелками большую часть времени отсиживался на Савиновской даче в Бушковском лесу, где был однажды окружен бандитами Сарафанова со всех сторон и вынужден был спрятаться в старом полуразрушенном колодце, чтобы сохранить для истории свою бесценную жизнь.

Из этого злополучного колодца после короткого боя с врагами его и достали.

Сарафанов вскоре отступил с большими потерями, но конфискованный у крестьян хлеб все же успел увезти с собой. Потом этот хлеб бандиты Сарафанова несколько дней раздавали голодающим крестьянам, а Гвоздовский готовился к своему третьему подвигу – обороне Красновятска от войск Колчака.

Как раз в это время вдоль берега Вятки, рядом с Осиновой, были вырыты глубокие окопы, а по окрестным деревням стали разъезжать красные командиры в кожаных тужур-

ках, агитируя молодежь вступать в непобедимую Красную армию. И хотя Колчак у стен Красновятска так и не появился, а в Красную армию по своей воле никто вступать не хотел, заслуги отважного красного командира не остались незамеченными. В 1929 году он был назначен первым секретарем Красновятского райкома партии.

Немного позднее Михаэль Гвоздовский написал длинные и красочные воспоминания о своей революционной молодости. Стал выступать с чтением этой рукописи на различных юбилейных торжествах и через несколько лет сделал свое творение настолько объемным, что местные краеведы решили изучать по нему историю Вятского края...

Кажется, все в жизни Михаэля Гвоздовского складывалось удачно, всё было хорошо. Но вот однажды, в конце тридцать восьмого года, он тяжело заболел. Исхудал, ослаб и ошупью обнаружил в своем животе какое-то грубое корневище, которое долгое время произрастало в нём незаметно, коварно поглощая орган за органом.

После долгих раздумий он решил, что это южное дерево саксаул. Когда-то Михаэль Гвоздовский боролся с бандами басмачей в средней Азии. Он был юн, бесстрашен и беспощаден. Не жалел ни себя, ни других. И однажды, преодолевая на лошади бескрайнюю пустыню Кызылкум, в которой разыгралась песчаная буря, случайно проглотил крохотное семечко саксаула, которое принес откуда-то сильный порыв ветра. Потом это семечко долго таилось в глубинах его мо-

лодого организма, никак не проявляя себя, а вот сейчас – в мирной и спокойной жизни – неожиданно проросло.

Михаэль лежал на просторной кровати, худой и бледный, с потухшим взором и всем посещающим его официальным лицам говорил, что он очень грешен. Что скоро он превратится в настоящее дерево и пустит корни, но перед этим он хотел бы покаяться за свои грехи. Хотел бы исповедоваться и причаститься, как все нормальные люди. Но вот беда – во всей округе его бывшие сослуживцы, сколько ни старались, не могли сыскать ни одного священника. Все церкви давно были закрыты, алтари разрушены, а кресты с церковных маковок спилены и переплавлены на высоковольтные провода.

Больной революционер стал уверять товарищей по партии, что умирать без покаяния ему страшно. Порой он даже плакал от беспомощности, но все его просьбы воспринимались, как безумный бред обреченного на смерть человека, и сочувствия не вызывали. Вместо этого хозяйственные руководители района спешно закупали в маленьких местных магазинах яркий ситцевый кумач и траурные ленты...

Но каково же было изумление жителей Красновятска, когда случайно от высокого начальства они узнали, что никаких похорон, оказывается, не будет. Что тело героя революции чудесным образом превратилось в юное дерево, для которого уже строится новая просторная оранжерея.

К родным берегам

Вместе вся семья Киреевых собралась только после войны, в сорок восьмом году. Приехал из Немды Илья с сыном подполковником, из Сурека – Николай, плешивый и бездетный, из Астрахани – Мария с двумя детьми. Александра в то время еще была жива, только передвигалась уже плохо и говорила шепотом. А когда ее стали фотографировать на память, она закрыла лицо сухими коричневатыми руками и сказала на удивление внятно, что снимать себя в таком виде не позволит, она всю жизнь красивой была, как верба, пусть такой ее дети и запомнят...

После обеда все вместе пошли на кладбище, долго стояли там у родных могил, под громадными кронами берез, которые вольно шелестели над их головами. Помянули добрым словом Павла, Ивана, Анфису и Марфу.

Мать Александра, которую в первый раз привезли сюда на машине, долго плакала возле родных могил, говорила, что скоро и она сюда переберется. Глядя на мать, заплакала Мария, за Марией – Илья, за Ильей – Николай. И было в этом плаче что-то трогательное и очистительное, освобождающее от гнета вины перед всеми ушедшими в мир иной...

На пути от кладбища к дому говорили мало, зато дома на веранде просидели до звезд. Илья рассказал о своем старшем сыне, который стал летчиком и сейчас испытывает но-

вые реактивные самолеты. Мария представила всем своего нового мужа, с которым она встретилась незадолго до войны. Рассказа о том, что вместе они закончили один педагогический институт и два года преподавали в Магадане, чтобы накопить денег на автомашину марки «Победа».

Только Николай в этот вечер молчал. Ему не хотелось рассказывать о тяжелых годах за колючей проволокой. О том, как в сорок втором его неожиданно освободили и направили на фронт. Как он служил в артиллерии, лечил лошадей и дошел с боями до Кенигсберга, где встретил весть о капитуляции Германии...

Потом, уже за поминальным столом, он твердо решил переехать на жительство в Осиновку и выстроить дом на берегу реки, тем более что Вятка манила его всегда. Да и как же иначе – на её берегах он провел всё свое детство, и хотя со стороны это время могло показаться трудным, ничем не примечательным, для Николая в нем была своя прелесть, свой тайный смысл.

Здесь на стыке детства и юности он впервые попал на солнцепек любви. Здесь он выкурил первую сигарету, выпил первую рюмку водки, подрался первый раз из-за девушки, поймал первую крупную рыбу, обрел первый жизненный урок, из которого потом всю жизнь делал выводы.

Николай и Лукерья

До переезда в Осиновку у Николая и его жены Лукерьи не было детей. Николаю было уже далеко за сорок, его рыжеватые усы стали седеть, на голове блестела лысина, возле глаз появились глубокие морщинки веером. Он стал переживать о том, что не сможет оставить после себя наследников.

Но уже на следующий год после переезда в Осиновку жена у Николая неожиданно забеременела.

Появился на свет первый ребенок, за ним второй, третий, четвертый. Дети стали быстро расти, и с такой же неумолимой быстротой стал стариться он. Сначала его лицо сделалось как бы излишне широким и полным, похожим на грушу, потом появился приличных размеров живот, нависающий над опушкой брюк. Потом откуда-то пришли сонливость и апатия. Следом за апатией появилась одышка. Он стал редко смотреться в зеркало, и, когда по утрам брился, у него всегда было удручающе грустное выражение лица...

Не старилась с годами только Осиновка. Она все разрасталась и молодела, как будто питалась тайными соками революционной Отчизны, заражалась её взрывным энтузиазмом.

Когда Осиновка была большой деревней, она уже тогда представляла из себя довольно сложный организм, а когда постепенно стала превращаться в город – этот организм

усложнился многократно. В этом организме появились те условности, которых раньше никто не замечал, те противоречия, о существовании которых никто не подозревал. То есть вдруг оказалось, что настоящая жизнь в маленьком городе вовсе не характеризуется тяжелым трудом на земле или изготовлением каких-либо полезных для жизни предметов своими руками. Она не связана с продолжением рода и сохранением среды обитания. Во все нет. Настоящая жизнь – это, оказывается, успешное продвижение человека от одной весьма условной цели к другой, от одного понимания к другому, от одной любовной интриги к другой, где система ценностей весьма условна и далека от христианских заповедей. То есть город бывшим крестьянам вдруг стал представляться страной чужой жизни, где больше всего ценится не тяжелый труд на благо семьи, а успех в обществе. Где разные чудачества принято считать издержками творческого взгляда. Где надо быть здоровым и сильным, жить на полную катушку какое-то время, а потом – будь что будет.

Николай и Лукерья много лет не могли, как следует, вписаться в этот новый для них мир. По инерции они ещё долго держали скотину, громоздили возле дома неуклюжие сараи и хлевы, копались в огороде. По весне строили теплицы и парники, а ближе к осени непременно ходили в лес за грибами, которые, по причине плохого здоровья есть уже не могли, но по инерции собирали, закатывали в банки и солили впрок. И при этом им казалось, что они живут, как все лю-

ди, делают свои дела так, как принято, и это придавало их жизни некий понятный смысл. Рационализм и бесчувствие города были им чужды.

То есть, проживая в городе, даже привыкнув к нему, они до конца своих дней оставались глубоко деревенскими людьми, точно так же как большинство жителей Советской России. Даже в городе они хотели чувствовать себя как деревья в лесу. Им нужна была почва под ногами. Им хотелось укорениться так, чтобы ничто не смогло сдвинуть их с этого обжитого места.

Преображение

Середина шестидесятых стала в России золотым временем освобождения от тирании вождей. Когда утомленная страхом страна, наконец, перестала уповать на всесильную власть государства. Когда из безликого «мы» тут и там стали появляться и прорастать, как красивые ядовитые цветы, свободные личности, имеющие смелость не замечать ни общественных идеалов, ни партийных догм, ни общих для всего советского народа революционных ценностей.

Хлеб в ту пору стал баснословно дешев, в изобилии продавались пиво и водка. В моду стали входить ковры, хорошие шерстяные костюмы, шляпы, норковые шапки, береты и теплая зимняя одежда с красивыми меховыми воротниками. И хотя излишне короткие юбки консервативным советским обществом все ещё воспринимались как нечто ненужное, подаренное нашему народу самодовольным западом, молодежь уже пленилась практичной джинсой, очаровалась вольной поэзией серебряного века и раскрепощающей западной музыкой.

Нельзя сказать, что жизнь в Осиновке в то время резко изменилась. Внешних признаков таких изменений как будто не было вовсе, но внутреннюю раскрепощенность мог почувствовать каждый. Особенно это стало заметно в разговорах, где постепенно исчезла былая настороженность, выве-

ренность каждого слова на предмет возможных интерпретаций, могущих заинтересовать соответствующие органы.

В стране наконец-то появилось целое поколение людей, свободных от предрассудков, воспринимающих окружающий мир с той непосредственностью, которая свойственна детям, не имеющим иной реальности, кроме той, что существует в данный момент. Хотя и для них уходящая в далекое прошлое социалистическая революция, всё ещё имела некую романтическую окраску. Многие из них искренне сожалели, что не родились в то легендарное время, не испытали настоящего накала страстей, не имели возможности лично участвовать в грандиозных событиях.

Дети Николая были типичными представителями того первого послевоенного поколения, которое выросло без искусственных лишений и невзгод, в прямом соответствии с чаяньями отцов и матерей. Это было поколение хорошо образованных, спокойных и относительно свободных людей, для которых на первом месте была уже не работа на производстве и не забота о государстве, их породившем, а досуг, потребность познать мир и обозначить себя в этом мире...

В общем, в конце шестидесятых Осиновка стала напоминать маленький провинциальный город, который случайно возник в вятских лесах. Небольшая пристань на берегу реки, которая всегда находилась в центре Осиновки, вскоре стала превращаться в речной порт.

В эти же годы рядом с Осиновкой прошла железная дорога Москва – Воркута, по которой раз в неделю проезжал громадный и зелёный, гроыхающий железными колесами поезд, а сельские жители провожали его завистливыми взглядами.

Потом на окраине городка вырос приличный автовокзал, всегда украшенный яркими транспарантами. И только внушительное стадо коров, проходящее по городу в летнюю пору ранним утром и поздним вечером, вызывало недоумение у случайно заглянувших сюда столичных гостей. Вроде бы город, но налицо все признаки настоящей деревни. Вроде бы культурный центр, но почему-то пахнет навозом.

Немного позднее в южной части Осиновки стали возводиться многоэтажные кирпичные дома со всеми удобствами. Но выглядеть красиво они не могли, потому что постепенно обрастали со всех сторон деревянными хлевами и сараями, неказистыми погребными ямами и железными гаражами.

Впрочем, детские площадки и газоны возле новых домов тоже существовали недолго. Привыкшие к большим земельным наделам жители городка вскоре с энтузиазмом распределяли их под гряды, возводили на их месте теплицы и парники.

Увлечение землей было таким массовым и таким непредсказуемо стихийным, что всем желающим, как водится, этой земли не хватало. Поэтому из-за крохотных участков свободной территории между бывшими соседями постоянно

возникали жуткие ссоры, порой переходящие в жестокие кулачные бои.

Первое время в маленьком городке сельские жители чувствовали себя неудобно. Многие здесь казалось им совершенно ненужным, лишенным всякого практического значения. Например, они не могли понять, для чего в небольшом городке обязательно должен присутствовать хорошо обустроенный парк с обычными для этих мест деревьями, если настоящий лес находится рядом? Для чего нужен свой театр, если даже в местный клуб на вечерний сеанс люди редко заглядывают? Для чего нужна своя газета, если все важные новости можно узнать в очереди за хлебом?

В общем, город казался первым горожанам несуразным, неудобным для жизни островом. Или, скорее, кораблём, случайно выброшенным на сушу.

Новые люди

Но прошло какое-то время, и первые горожане поняли, что им вовсе не обязательно меняться самим, подстраиваться и преображаться в угоду городу. Проще перестроить этот город под себя.

И отчасти, им это удалось. Старожилы ещё сейчас помнят, что первое поколение горожан говорило каким-то странным, сугубо деревенским языком, и обсуждали эти люди большей частью садово-огородные проблемы. Одевались они примерно так же, как принято одеваться для тяжелой работы на дачном участке. Питались тем, что произведут в домашнем хозяйстве, а в магазинах старались покупать только соль, сахар да спички. То есть то, без чего никак невозможно обойтись.

Но постепенно оторванность от сельского уклада дала свои плоды. В магазинах стало больше продаваться картофеля и свеклы, моркови и капусты. А среди горожан появились настоящие интеллигенты-созерцатели, у которых возникли свои умозрительные ценности, в соответствии с которыми и следовало строить жизнь. Не работать на земле, не добиваться больших урожаев, а осмысливать происходящее с неких отстраненных философских высот. С тех позиций, откуда всё приземленное кажется мелким и проходящим.

Где-то в середине шестидесятых в новом городке стали

появляться люди экзотических для здешних мест профессий.

Первым, как это ни странно, появился в Осиновке архитектор, и хотя по его проектам в маленьком городке почти ничего не строилось, он каждый день исправно приходил на работу в здание местной администрации, подписывал там какие-то серьёзные бумаги и даже получал за это приличные деньги.

Между тем жилые дома в Осиновке напоминали массивные серые коробки, дороги изобиловали крутыми поворотами и глубокими ямами, а среди деревьев в парковой зоне преобладали довольно корявые и низкорослые американские клены. Ветхие строения долго не сносились, а за высокими заборами ничего не произрастало, кроме огромных лопухов и грозной темно-зеленой крапивы, которая могла напугать одним своим видом.

Вслед за архитектором в провинциальном городке появился скульптор Максим Владимирович Козловский, внешне очень похожий на истинного социал-демократа времен Плеханова и Кропоткина.

Максим Владимирович был одет в серое клетчатое пальто, коричневатую фетровую шляпу с атласной лентой и всегда носил при себе большой желтоватый портфель с карандашными рисунками, где преобладали голые женщины в соблазнительных позах. Он считал себя космополитом, к водке относился с пренебрежением и говорил, что русский че-

ловек никогда не поймет великую западную культуру.

Появление скульптора многих озадачило. Практичные жители Осиновки почему-то считали, что уж скульптору-то в их городе делать явно нечего. Ну, о каких статуях может идти речь, если даже красивые мраморные надгробья семьи Бушуевых на кладбище местные жители не уберегли.

И все же скульптор прижился. Естественно, в первую очередь он изваял бюст товарища Гвоздовского, который с особой торжественностью был установлен на центральной площади городка возле хлебного магазина. Затем, как водится, пришла очередь для памятника Ленину. Но этот памятник, по общему мнению, получился не самым удачным, потому что в нем не чувствовалось экспрессии. Не чувствовалось устремленности в будущее. Протянутая вперед рука – была. Была даже кепка, зажатая в крепком Ленинском кулаке, а подлинного движения души, подлинного порыва к светлому будущему не ощущалось.

После этой неудачи о скульпторе на какое-то время забыли. Потом кто-то из районных начальников вспомнил о нем и заказал статую колхозницы, которую вскоре в торжественной обстановке установили возле правления колхоза «Путь Ильича».

Если честно признаться, эта скульптура выглядела довольно нелепо и чем-то напоминала снежную бабу в обнимку с березовым веником, зато идейная трактовка этого образа была признана безупречной. Особенно если судить о данном

образе по ширине плеч, а так же по массивной надежности рук и ног.

Немного позднее точно такая же статуя появилась перед зданием суда, возле крыльца местной школы и в больничном парке...

Последним творением скульптора стала обыкновенная обнаженная женщина, чем-то очень похожая на его жену Веру Ивановну. Эту скульптуру, он водрузил на постамент у себя в саду и первое время с удовольствием ей любовался. Она была для него тем проявлением свободы творчества, которого он много лет был лишен в официальной среде. Она раскрепостила его дар и позволила выплеснуться наружу самым сокровенным его чувствам.

До этого случая скульптора как бы не замечали, потому что его творения шагали в ногу со временем, соответствовали требованиям эпохи и общепринятым нормам. А новая скульптура неожиданно выпала из общего ряда, и это вызвало странный переполох в тихом омуте городка. К тому же родственники Веры Ивановны восприняли новую скульптуру как оскорбление. Они не могли понять, для чего этот человек выставил на всеобщее обозрение все интимные прелести их родной сестры.

На одном из общих праздников братья Веры Ивановны выпили лишнего, затеяли разборательство и, не найдя веских аргументов, сильно поколотили бедного ваятеля, после чего его голову надолго покинули все прежние устремления

и новые далеко идущие творческие замыслы.

Богема

Вслед за скульптором в Осиновку приехал художник Павел Петрович Уткин. Это был человек небольшого роста, который со стороны мог показаться немолодым и нестарым. Что называется – серединка на половинке. Зимой и летом он ходил по городу в длинном сером плаще, в тёмном берете с хвостиком и желтых ботинках фирмы «саламандра». У него было лицо кочегара, сухая красноватая кожа на щеках, крупный нос и маленькие быстрые глазки, спрятанные в тени густых бровей. Обычно он говорил ровным приятным голосом, взвешивая каждое слово и пробуя его на вкус. Он никогда никуда не торопился и не любил, когда спешат другие. И хотя Павел Петрович не всегда выглядел свежо, его крепости и хладнокровию можно было позавидовать. Во всем его облике угадывался будущий долгожитель, человек без возраста, способный сделать красивой даже неумолимо приближающуюся старость.

В свободное от творчества время Павел Петрович любил посидеть с компанией единомышленников в каком-нибудь неприметном кафе, выпить пивка и поговорить на отвлеченную философскую тему. К нему потянулась местная интеллигенция: учителя, журналисты, врачи. Пришел даже скульптор, кое-как оклемавшийся после неожиданного инсульта. Он был сейчас с отвисшей нижней губой, необычно тёмны-

ми, какими-то испуганными глазами и дрожащей правой рукой...

Вслед за художником, неизвестно откуда, в новом культурном обществе появился поэт. Поэт был высок, худ и подозрительно подвижен. В его чертах сквозила неврастения. Было видно, что не сегодня так завтра он создаст гениальное стихотворение, сделает умопомрачительную глупость, или (чего доброго) зарежет кого-нибудь.

Следом за поэтом в Осиновке появился писатель Илья Ильич Перехватов, расхаживающий всюду в черном свитере и кирзовых сапогах. Поговаривали, что он считает себя последователем Максима Горького, называет свою прозу босяцкой и гордится тем, что не знает таблицы умножения, потому что математика чужда ему, точно так же как чужды все точные науки.

Так в Осиновке появилась богема. То есть – тонкий слой настоящих интеллигентов, чем-то похожий на тонкий слой плесени, возникающей неизвестно откуда, но избавиться от которой совершенно не возможно.

Как водится, первое время представители богемы стали собираться у Павла Петровича Уткина на кухне и говорить о захватывающем литературном процессе в новой России, о политических переменах в стране, которые давно назрели. Наслаждались свободным общением и старались удивить друг друга глубокими познаниями в разных областях современного искусства. Но вскоре выдохлись и для поддержания

бодрости на должном уровне, для энтузиазма в пламенных речах, стали понемногу выпивать водочки или вина, в зависимости от настроения. Потом заинтересованные разговоры без спиртного стали редкостью, своего рода прецедентом, а чтение стихов на трезвую голову вообще стало вызывать недоумение.

В общем, постепенно получилось так, что представители богемы начали обсуждать между собой только политические темы, отдавая предпочтение грубому прагматизму, да ругать свою беспросветную жизнь, в которой отчетливо просматривался путь к вульгарному гедонизму.

Зато творческих замыслов у каждого представителя богемы было сейчас хоть отбавляй. Они мечтали о том, что хорошо бы возвести в Осиновке огромный спортивный дворец или открыть ночной ресторан с большим танцевальным залом. Чтобы можно было в этом зале читать стихи, пить водку и веселиться, танцевать, пить водку, веселиться и снова читать стихи.

– Или создать небольшое издательство для местных авторов, – продолжил однажды, долго молчавший писатель.

– Или собрать материалы по истории края, – дополнил его поэт. – Мой дед, например, был первым священником в здешних местах. И знаменитый поэт Павел Васильевич Заболотный у нас в селе останавливался на ночлег у бабки Аграфены.

– Можно бы и картинную галерею открыть, – поделился

своей заветной мечтой художник Павел Петрович Уткин. – Детишки ходили бы туда на Левитана любоваться. Левитанскую русскую природу чувствовал душой. Или Саврасова взять. Тоже, говорят, выпивать-то мог порядочно, но талант, как видите, не пропил.

В общем, через некоторое время люди богемы о новых направлениях в искусстве уже почти не вспоминали, и когда в их городок неожиданно приехал хор лилипутов во главе с профессиональным режиссером Сарой Комисаровой, то этот приезд был воспринят ими, как очень большое культурное событие.

Так получилось, что очень скоро самым ценным качеством в человеке представители богемы стали считать простоту, а самым главным условием разговора – доходчивость. Этим умело воспользовался отставной полковник Викентий Федорович Матов, разгуливающий по Осинке в изрядно поношенном френче и новых хромовых сапогах. Полковник стал появляться в культурной среде богемы все чаще и все настойчивее просил написать о нем настоящий роман, потому что он участник гражданской войны и герой Великой Отечественной.

Первым с полковником поссорился писатель Илья Ильич Перехватов. Ему не понравилось, что советский полковник говорит о войне, как о веселом приключении, а о женщинах, как о лошадях, отличающихся большой выносливостью и силой. Это показалось писателю несправедливым. Граждан-

ская война унесла миллионы человеческих жизней и воспринималась им, как большая трагедия для всей многострадальной России. Полковник же видел в войне отдушину от дел мирских, а в женщинах – объект услады и все перечислял свои подвиги, суть которых – чужая смерть.

– Мы строили новую жизнь! Мы боролись за права трудящихся! И эти права получили, – непривычно громко кричал полковник. – Мы заслужили место на скрижалях!

– И где же они эти ваши права? – однажды спросил у него писатель.

– У наших детей, у наших внуков! – продолжил кричать полковник. – Им теперь принадлежат заводы и фабрики! Земля и недра! Они хозяева своей судьбы! Хозяева страны!

– И что они могут? – с прежней иронией продолжил писатель.

– Все! Всё, что захотят! Потому что у нас хлеб самый дешёвый в мире! Бесплатная медицина! Всеобщее среднее образование! Чего ещё надо для счастливой жизни? Что ещё нужно!?

– Но при этом говорить и писать правду нельзя, – постарался урезонить полковника Илья Ильич.

– Ну и что? – возмутился полковник.

– Да какая же это свобода, если нельзя свои мысли изложить на бумаге так, как хочется.

– А я никогда и не стремился к этому! Для чего мне всё это?

– Зато другим свобода слова необходима как воздух.

– Вот, вот! – снова закричал полковник. – Вот, вот! Особенно тем, кто только эти самые слова и производит! Как вы! Для вас, конечно, свобода слова – самое главное... Она для вас важнее всего на свете. Только при чем здесь мы – нормальные люди!? Думаете, мы за вашу свободу на баррикады пойдем? Не дождетесь! Да вам только эту самую свободу дай, – вы все наши подвиги охаете, все святыни заплуете, все наши авторитеты смешаете с грязью! Вам бы только выделиться. Перед другими острым словом блеснуть! Для этого вы ничего не пожалеете. Никого не пощадите! А до народа вам дела нет! Вам и свобода-то нужна до поры до времени. Пока не накричались вдоволь. А потом-то уж вы народу пикнуть не дадите о своих правах. И тогда обернется ваша свобода всенародным бесправием! Бедствием обернется. Ведь так?

– Нет, не так. Настоящая свобода – это как хлеб для усталого путника, это как свет в ночи, как вода для погибающего растения, – закончил свою мысль Илья Ильич.

Потом с полковником поссорился поэт. Надо сказать честно, поэт был человек сумасбродный и ссору любил. Она позволяла ему говорить гадости, невзирая на авторитеты. К тому же оригинальностью мысли он не блистал, чуть-чуть до неё не дотягивал. Поэтому нарочитая резкость придавала его словам долю своеобразия, наделяла его самого неким трагическим шармом. А так как в душе он был обыкновен-

ным бабником – особым пристрастием для него была сексуальная тема. Тема непреодолимых борений перед всепоглощающим соблазном, где чувства телесные и духовные переплетены, где тайна может и порочна, зато дает начало новой жизни.

Поэт Николай Николаевич Гусев был удручающе бледен, имел сильно вытянутое лицо, длинный нос и большие женственные губы. Короткие русые волосы он зачесывал назад, всегда носил с собой старые карманные часы фирмы «Густав Жако» и, когда требовалось узнать, сколько времени, как-то очень картинно доставал их из нагрудного кармана, потянув за серебряную цепочку.

В минуты спокойствия выражение его лица было подчеркнута меланхоличным. Трудно было понять, что в нем: прискорбное недоумение, вселенское всеведенье или обыкновенная досада. Когда же в компании друзей вдруг затевался спор, Николай Николаевич мгновенно преображался. От волнения он сильно бледнел, зрачки его и без того тёмных глаз расширялись до странных размеров, руки сами собой начинали жестикулировать, и он впадал в припадок романтичности, пытаясь доказать присутствующим, что выше любви нет ничего на свете.

Полковник поэта не понимал и немного побаивался. Осторожно и брезгливо отстранялся его. Всякий раз с внутренней дрожью предполагая, что этот идиот, чего доброго, когда-нибудь вызовет его на дуэль. Или убьёт злобным заря-

дом витиеватого сарказма.

Черные глаза поэта, похожие на перезрелые сливы, полковника сильно раздражали, а беспредметная речь могла довести до белого каления. Полковник никогда не строил жизнь на голое чувство, и поэтому искал в чужом высказывании некий трезвый расчет, запрятанный в футляр напускного словоблудия. Но в словах поэта он смысла не находил.

Моисей Сахалинский

Однажды до Осиновки дошла молва, что в ближайшее время город может посетить странствующий писатель Моисей Мамонтов-Сахалинский, собирающий материалы для новой субъективной эпопеи под названием «Наша горькая жизнь».

Весть об этом событии взбудоражила умы творческих людей провинциального городка. Илья Ильич Перехватов позвонил Николаю Гусеву и предложил (чтобы не ударить лицом в грязь) встретить странствующего писателя на вокзале хлебом-солью.

Это предложение было воспринято с пониманием и поддержкой. После чего Илья Ильич заказал большой ржаной каравай в местной пекарне, купил красивую деревянную солонку и полотенце с русским орнаментом. Потом принес из чулана лучший костюм в серую полоску, тщательно прогладил его и повесил на плечики. Стал сочинять приветственную речь, в которой попытался найти нужное сочетание между космополитизмом в искусстве и тягой к принципам постмодернизма. Отразить реальные проблемы порочного мира социализма и рационализм рыночной экономики. В общем, Илье Ильичу очень захотелось блеснуть эрудицией перед странствующей знаменитостью. Показать, что они тут тоже не лыком шиты.

Николай Николаевич в свою очередь сел писать стихи, посвященные легендарной личности. Просидел над стихами до вечера, испортил много бумаги, потерял массу времени, но стихи у него вышли какими-то излишне льстивыми и напыщенными.

Павел Петрович Уткин, узнав о предполагаемом визите странствующего писателя, очень разволновался и стал отказываться от предстоящей встречи. Уверял, что он такой чести не достоин, он ничего великого не совершил. Ему похвастаться нечем.

Павлу Петровичу казалось, что человек с таким непривычным и звучным псевдонимом должен обладать очень весомым талантом. Недаром его рукописные книги уже много лет передаются в России из рук в руки, а удачные словесные обороты – из уст в уста. Моисей Сахалинский давал своим рукописным книгам звучные названия. Одна из его книг называлась «За ложью – ложь», другая – «Откровения красного рыцаря», третья – «Смердящее время перемен». Это были романы – эссе, романы – хроники и даже романы – сценарии. Произведения Моисея Сахалинского изобиловали ёмкими метафорами, глубокими философскими отступлениями и имели в подтексте такие залежи смыслов, что голова шла кругом. Настолько ловко там всё было переплетено и связано мелкими деталями с реальной жизнью.

Илья Ильич как зеницу ока берег одну цитату из его рукописи, которая начиналась такими словами: «О, русские лю-

ди! Где сила вашего духа? Руины вашего времени расколола историческая ложь. Трещина непонимания пролегла между вами. Блистательная роща вашей юности постепенно превратилась в свалку металлолома, в горы ненужного хлама... И в этом виновны мы сами. Ямы и провалы зияют в багровой земле наших предков, а мы терпеливо ждем перемен. Мы всё ещё на что-то надеемся! Мы не можем восстать против несправедливости! Мы не видим сути этих провалов, не знаем о существовании этих ям. Так я открою вам глаза! Только слушайте меня, только смотрите вокруг равнодушными глазами. И вы узрите, и вы поймете, и обретете вы... И бесценно будет обретение ваше. Ибо только страдание открывает глаза истине. Только божественная правда может избавить от духовного страдания в пустыне заблуждений»...

Когда Илья Ильич перечитывал эти строки – у него по спине пробегами мурашки. Побеседовать с таким человеком – это счастье. Тем более что этот человек коллега. Он тоже писатель.

Где-то глубоко в душе Илья Ильич ощущал тот же критический настрой, которым обладал Мамонтов-Сахалинский. Ему тоже хотелось написать нечто похожее на «Откровение красного рыцаря». Только не хватало вдохновения, не хватало духу подступить к такой громадине...

Но ожидания местной богемы оказались напрасными. Как раз в это время где-то в Малмыжском районе объявился дальний родственник марийского князя Болтуша, погибше-

го при сражении войск Ивана Грозного с марийским ополчением. Этот человек стал рассказывать о давнем сражении какую-то очень занимательную легенду, изобилующую мелкими деталями и упоминаниями о неизвестных миру марийских героях. Моисей ничего не знал об этом сражении, но ему очень хотелось упомянуть о нем в своем новом труде. Это сражение укладывалось те рамки исторического процесса, которые ему наиболее импонировали. Поэтому Моисей поспешил на встречу с дальним родственником марийского князя, круто изменив траекторию продвижения по вятской земле...

Потом пришла нехорошая весть из Краснояйтска. Представители богемы узнали, что странствующего писателя видели там в пьяном виде. На одной из темных улиц он о чем-то громко спорил с местным краеведом Иваном Ухиным, и в этом споре приводил веские аргументы относительно Екатеринбургского тракта, который, по его мнению, проходил вовсе не через деревню Кизерь, которая находится в Уржумском районе, а гораздо севернее – по Кильмезскому району. Чтобы доказать обратное у местного краеведа аргументов не хватило. В ход, как водится, пошли кулаки. Правда, и здесь Мамонтов-Сахалинский едва не одержал заслуженную победу, но подоспевшие сподвижники краснояйтского краеведа переломили ход сражения.

Странствующий писатель был сильно избит и долго потом отлеживался где-то в Максинери – небольшой деревушке,

расположенной на высоком бугре, откуда открывался прекрасный вид на заливные луга и бескрайний лес вдоль берега Вятки.

Зигзаги судьбы

Между тем жизнь в Осиновке продолжалась. В ней появлялись новые жилые дома, детские сады и школы. И, что самое замечательное, в Осиновке продолжали рождаться дети – новые граждане новой страны.

Первый ребенок у местного ветеринара Николая Киреева и его жены Лукерьи появился здесь в 1953 году.

Мальчика назвали Борисом. Он рос, кажется, не по дням, а по часам. Как все деревенские мальчишки, он был угловат и стеснителен. Зато к своим семнадцати годам Борис выглядел, как зрелый юноша, отслуживший в армии.

Характер он имел мягкий, но при этом обладал необыкновенной физической силой. И сила эта была у него какая-то природная, земляная, пришедшая как бы сама собой, без особых усилий. Потому что Борис с малых лет колол дрова, носил воду из колодца, убирал снег во дворе. Ни гирь, ни гантелей он не поднимал, к штанге близко не приближался, но с каждым годом все яснее ощущал в себе неумную мужскую силу. Энергию, бьющую через край.

Всю зиму Борис ходил по Осиновке в свитере из черной овечьей шерсти, шапки и картузы никогда не носил, но при этом щеки у него всегда горели ярким румянцем. Волнистые волосы Бориса скатывались до плеч тяжелой русой волной. И когда на эти волосы ложились первые невесомые снежин-

ки, когда таяли на них, превращаясь в мелкий бисер, то становилось понятно, отчего так много местных девушек сохнет по этому парню...

Хотя Борису всегда нравилась только одна. Та, которая отличалась от остальных вовсе не красотой и умом, не веселым нравом и скромностью, а тем строением тела, при котором девичья талия кажется особенно тонкой оттого, что бедра девушки непривычно широки. И, чем заметнее, чем контрастнее становились эти пропорции с годами, тем сильнее влюблялся в эту девушку Борис.

Это может показаться странным, но довольно часто во сне он видел вовсе не бледное лицо своей новой пассии, не её манящие глаза, а её большой соблазнительный зад, весьма живой и подвижный.

Несмотря на бойкий природный ум, в школе Борис учился плохо и очень рано получил пугающее прозвище Ломовщина.

В любой компании он легко находил себе друзей – ценителей мужской силы, людей, чувствующих себя уютно только под чужим крылом. Чаще всего именно эти друзья хлопали Боса по плечу и просили для общей потехи что-нибудь поднять или изогнуть. Борис охотно поднимал, изгибал, потом правил, краснея от усердия и удовлетворенно улыбаясь. За спор Борис переносил с места на место двухсотлитровую бочку с водой, перетаскивал на плече шестиметровые березовые бревна, упавшие с лесовоза на крутом повороте.

Постепенно о Ломовщине узнала вся округа. Приезжающие из соседних деревень мужики и бабы непременно спрашивали у случайных прохожих: «Где у вас тут богатырь живет? Уж очень на него посмотреть охота». И если встречали Бориса на дороге, то обязательно здоровались с ним, улыбались ему и долго смотрели вслед завистливыми глазами.

Между тем к восемнадцати годам Борис стал необыкновенно красив. Его красота была достойна мужчины – неброская, но мужественная. Это была красота молодого зверя, которому под силу справиться с любым известным на земле хищником. Однако он не разучился и стесняться. Густо краснел, когда говорил с девушками, боялся поднять на них глаза и выражал свои мысли как-то туманно, невпопад, от скованности путая слова.

Сейчас даже замужние молодухи стали на него заглядываться. Это были жадные и обольстительные взгляды. Это были взгляды оценивающие и вместе с тем обреченные на непонимание, потому что небольшие размеры Осиновки не оставляли надежды на тайну. Борис тоже иногда с вождением глядел на местных молодух, пытаясь найти среди них самых соблазнительных, но таких, как Лариса Попова, не находил.

Года три уже прошло с той поры, как понравилась ему Лариса, но сказать ей об этом он всё никак не решался. Смелости не хватало. Да и Лариса при встрече с ним всегда делала вид, как будто ничего не замечает, ни о чем не догадывается.

Даже после того, как Катька-раскладушка Бориса с танцев увела, Лариска не опомнилась.

Зато Борис после этого случая сник.

Он вдруг понял, что сладость женщины вовсе не в формах, а в чувственном опыте, в зрелости желаний. Он пришел к Катьке еще раз, потом еще и вдруг осознал, что не сможет без нее жить, хотя это, наверное, и не любовь вовсе, а какая-то мучительная тяга.

Худая, как вобла, широкоплечая и узкозадая Катька с копной рыжеватых волос, увядающая красавица с темно-синими глазами, горячая в постели и постоянно замерзающая на легком ветру, – она перевернула в сознании Бориса его представление о настоящей женщине, о женской страсти и женской нежности.

В восемнадцать лет он решил, что обязан на Кате жениться. Кажется, ничего более нелепого нельзя было придумать. Сорокалетняя женщина выглядела рядом с ним, как мать, но его предложение восприняла с радостью и даже всплакнула от неожиданности. Он, конечно, не подходил ей по возрасту, но как мужчина очень даже устраивал. Пугало Катю только мнение окружающих, потому что она имела славу распушенной женщиной, а семья Киреевых всегда отличалась большой строгостью нравов.

Николай и Лукерья узнали о намерениях сына последними. Лукерья заплакала. Николай долго хмурился и почесывал свою лысеющую голову, медленно повторяя:

– Вот те на, елки-палки, огорошил сынок. Удивил!

Потом как-то подозрительно быстро успокоился, порылся в старых чемоданах, что хранились на полках в клетки, и вскоре вышел к сыну с золотыми карманными часами.

– Вот, тебе на свадьбе подарю. Они сейчас дорого стоят.

Мать только руками всплеснула:

– Совсем одурел старик!

Кто тогда мог предположить, что до свадьбы дело не дойдет. Что в один из тихих летних вечеров придумает мельник Федор сменить на колхозной мельнице жернов, и вместо четверых мужиков, шутки ради, позовет одного Бориса. Долго будет расхваливать его богатырскую силу, а потом, как бы между прочим, намекнет, что с бабами баловаться – это дело нехитрое, а вот жернов поднять еще никому в одиночку не удавалось. Кишка тонка.

– Пospорим, – по инерции предложит Борис.

– О чем это? – с наигранным непониманием отзовется мельник.

– Что жернов твой один сниму и из мельницы выкачу.

– И выкатывать не надо. Ты только сними, а я тебе за это литру водки поставлю.

И действительно, Борис жернов снимет, и все присутствующие будут хлопать его по широкой спине, называть молодцом, пить за его здоровье, добытую в споре водку.

Но, как это часто бывает в «честной компании», вскоре водка закончится, а веселье будет требовать продолжения.

Выпитого мужикам покажется мало. Мужики начнут рыться по карманам, собирать гривенники, но денег не найдут. И тогда нахальные взоры обратятся к мельнику, который с пониманием улыбнется и, взглянув на широкие плечи Бориса, предложит:

– Дам, мужики тому, кто этот жернов поднимет выше головы.

И мужики удивленно переглянутся, а потом, как бы спохватившись, заговорят:

– Да кто же ещё на такое способен? Разве что Борис. У него сила неоколесная...

И начнут упрашивать Бориса хором:

– Уважь мужиков, богатырь. Подними жернов ещё раз.

И дрогнет на этот раз Борис, исчезнет с его лица беспечная улыбка, появится в глазах тайный испуг.

– Неудобно же братья-то за него, мужики. Жернов круглый, как огурец... Кто мне его на плечи-то положит?

– Да мы положим. Мы. Только ты от спора не отказывайся. Мельник слов на ветер не бросает. Мы с него еще литру вымолотим... Уважь мужиков, посочувствуй.

– Да я ничего. Я попробую.

– А уж мы тебе подсобим.

И поднимут разгоряченные мужики огромную каменную глыбу, и подставит под нее свои плечи Борис.

– Ты только долго не тяни. Поднимай сразу, – скажут и отойдут от парня в сторону. А потом с тревогой увидят,

что он зашатался от напряжения.

И тогда решится один из мужиков помочь Борису, но будет уже поздно. Рухнет на землю Ломовщина. И разнесется по всей округе резкий отчаянный крик. А жалостливый мужик с перебитой ногой будет корчиться рядом с Борисом на холодной земле и зло стонать:

– Зачем вы это, а? Мужики. Зачем? Ведь знали, что не под силу. Зачем?

– Дак, хотели как лучше, – станут оправдываться мужики.

– Хотели выпить ещё...

С того дня в Осиновке не будет больше молодого красавца по прозвищу Ломовщина. А вместо него появится Борька – калека, которого длинными летними вечерами будут выводить к реке младшие братья на самодельной тележке с блестящими велосипедными колесами, прикрученными к кожаному креслу.

Борис будет долго сидеть в этом кресле на пустынном речном берегу, глядя вдаль печальными глазами и сжимая в руке маленький томик стихов поэта Сергея Есенина...

Мистическая смерть

А в 1961 году в Осиновке случилось событие, которому никто не нашел разумного объяснения. Умер при странных обстоятельствах поэт Николай Николаевич Гусев. Умер, как утверждают, во сне, без явной на то причины, хотя до последнего момента чувствовал себя прекрасно и даже в день смерти много писал, сидя за дубовым столом, перед высоким окном в зимний сад.

На столе после его смерти друзья поэта нашли небольшое, но, как им показалось, очень мудрое стихотворение, ко-

торое заканчивалось словами, напоминающими заклинание, где поэт, «презирая небесную твердь, звал к себе в утешители смерть»...

Кто-то вспомнил, что накануне этого странного события он помирился с отставным полковником Матовым и не сказал ничего дерзкого Павлу Петровичу Уткину, который привычно попросил у него на пиво. Что во всем его облике появилось в последнее время что-то трагическое и в то же время светлое, что-то не от мира сего. Он много говорил о Блоке и Лермонтове, придирчиво сравнивал их загадочное творчество и находил в нем много общих таинственных черт.

Павел Петрович вспомнил, как Николай однажды с грустью признался ему, что природа сделала его долгожителем: в тридцать шесть у него ничего не болит. Хотя настоящие поэты обыкновенно умирают рано и тем самым создают себе ореол будущего бессмертия. Павел Петрович, если честно признаться, тогда не понял, к чему клонит поэт, а сейчас до него дошло. Он мечтал о славе и в то же время «призывал в утешители смерть», видимо предполагая, что настоящая слава приходит к поэтам только после их смерти.

Илья Ильич поддержал догадку Павла Петровича и стал развивать свою теорию присутствия в жизни мистических начал. Утверждал, что Лермонтов и Рубцов слишком часто обращались к теме смерти, так что, в конце концов, та удостоила их своим вниманием раньше времени. То же самое произошло и с Есениным. Вывод же из всего этого писа-

тель сделал весьма неожиданный, он сказал, что Смерть, видимо, – существо живое, чуткое, думающее, но достаточно наивное по своей натуре. Поэтому порой Она не может разобраться, где ее зовут на самом деле, а где только делают вид...

Хоронили поэта со всеми должными почестями. До кладбища несли его гроб на руках. А потом все читали и читали над гробом трагические стихи, все говорили печальные речи, пока кладбищенским землекопам не надоело торчать возле могилы с лопатами наизготовку и дожидаться, пока выйдет у ораторов последний хмель.

В конце траурной церемонии возле свежей могилы появилась откуда-то, словно выросла из-под земли, местная дурочка Вера и со слезами на глазах стала рассказывать окружающим о том, какой «послухмянной» был в детстве Николай.

– Бывало, в новых сапогах в школу пойдет и ни в одну лужу не ступит. И шляпу он всегда носил фетровую. На голове шляпа, а на ногах – кирзовые сапоги. Как сейчас помню... Тогда все в школу с папками ходили. И у него тоже папка была. Блестящая такая, черная кожаная папка с железным замком. Учился он, правда, плохо, уроки часто пропускал, глиной кидался на переменах, но зато послухмянной был, не то, что Сашка Семиглазов. Тот рос бандитом, а этот послухмянной был. Дай Бог ему Царствия Небесного!

– Говорят, у Киреевых старший сын тоже стихи пишет, – сказала одна из женщин в траурной процессии, на голове ко-

торой была красивая черная шляпка с атласной розой.

– Бориска-то? – удивилась дурочка. – У него ничего не получится.

– Почему? – удивилась женщина в шляпе.

– Не послухмянной он, – отрезала Вера.

Женщина удивленно захлопала глазами и отвернулась, чтобы смахнуть слезу.

После похорон Павел Петрович Уткин решил было зайти к родителям поэта, поинтересоваться, не осталось ли у Николая каких-нибудь интересных записей или стихов, написанных в последнее время. Может быть, когда-нибудь эти предсмертные строки тоже найдут своего читателя. Но как раз у нужного поворота к дому поэта, где всегда стоял синий газетный киоск, его окликнул изрядно подвыпивший полковник Матов. Павел Петрович увидел в его руке пузатую авоську с двумя трехлитровыми банками пива, с желтым боком вяленого леща, завернутого в дырявую газету, и сразу обо всем позабыл.

Правда, через несколько дней в местной газете была помещена небольшая подборка стихов безвременно ушедшего поэта, из которых Павлу Петровичу запомнилось только одно. То, которое было под названием «Инерция добра». Звучало оно так:

*Я всех и всё любил когда-то,
Любил и больше ничего.*

*Любил отрадно, честно, свято,
Взамен не требуя того.*

*Увы, меня не все любили
И ненавидели порой,
И часто, слишком часто били
По голове и головой.*

*И нет, прощенья не просили,
В сердцах не каялись друзьям,
Они ещё не всё забыли,
Их вечно не забуду я.*

*Но если вдруг в январской стуже
Я встречу их на грани мглы,
И буду я им очень нужен —
Я скрою все свои углы.*

*И округлив вражду и муку,
Перетерпев бывшее зло,
Я им подам спасенья руку —
Пусть думают, что повезло...*

Павлу Петровичу показалось, что в этом стихотворении тоже есть что-то мистическое, что-то странное, но размышлять над этим вопросом всерьёз он не стал. Не было времени. Да и пользы, откровенно говоря, никакой от подобных рассуждений он не видел.

Через некоторое время после этого печального события к Павлу Петровичу в мастерскую принесли письмо из редакции местной газеты, якобы полученное не так давно от безвременно погибшего поэта. Молодая симпатичная девушка, которая передавала письмо, как-то смущенно и виновато взглянула на художника своими огромными голубыми глазами, протянула конверт и сказала:

– Мы не решаемся это напечатать.

Постояла немного в дверях и ушла.

Павел Петрович с торжественным недоумением открыл письмо, надел на нос свои тяжелые, в железной оправе, очки и прочитал следующее.

«Здравствуйте, уважаемые члены редакции газеты «Комсомольская искра»!

Пишет вам мальчик 49 лет, увлечённый поэзией и мистицизмом. Мне кажется, я открыл закон, по которому человеческая душа не может являться пристанищем истины – некой субстанцией космического духа, а является всего лишь камертоном, тонко реагирующим на добро и зло. Она трепещет, как лист дерева на ветру жизни.

Говорят, что душа каждого человека с рождения – христианка. Я в это не верю. Душа человека – это то, что успели вложить в нее наши родители. А вложили они в нее надежду на близкое чудо, на долготерпение. Научили её послушанию и доверчивости.

Анализируя свою жизнь и жизнь своих предков, я при-

шел к выводу, что русским человеком на протяжении веков движет не стремление к прогрессу в той или иной сфере, не потребность утвердить себя в роли лидера, а нечто совсем другое. Русскому человеку свойственно покорять пространства, а не народы. Жизнь манит его вдаль, в неведомое, в далекое. Ему хочется иметь много, но вовсе не прибыли, не денег, не реальных богатств. А бесконечного пространства за окном. Потому что ему свойственна устремленность вдаль, в будущее, в безграничное и незнакомое пространство. Ограничьте его устремления рамками небольшого участка самой богатой земли в центре Европы – и он умрет от тоски. Оттого, что некуда больше стремиться, нечего больше искать.

Для русского человека мучительно знать, что дети его и внуки обрели покой, нашли свой участок земли и сейчас им больше никуда не нужно спешить. Больше ничего в их судьбе не изменится. Чуда не произойдет...»

Дальнейшее Павел Петрович читать не стал. Там была точно такая же нелепица и галиматья. Он подумал было, что это какая-то ошибка. Это издевательство над той культурной средой, которую олицетворял собой поэт, которая его воспитала, породила и вознесла...

Потом Павел Петрович усомнился в своем первоначальном мнении. Но продолжить чтение письма уже не смог, ему показалось это слишком утомительным. Он смял письмо и бросил его в урну для мусора, думая при этом только о том,

что мир интереснее и возвышеннее этой чепухи. Мир проще и логичнее. И потому не стоит покидать этот мир слишком рано. Он от этого лучше не становится и ничего нового не приобретает. Ибо все его приобретения вопреки здравому смыслу, все на грани безумия.

Романтическая душа

Второй сын Николая и Лукерьи, Никита, с юных лет очень любил рисовать. Он рос нескладно высоким, застенчивым и слабым ребенком, способным удивить окружающих разве что исключительной медлительностью. Борис в раннем детстве частенько его поколачивал, но по лицу не бил. Лицо у Никиты было по-детски нежное, даже можно сказать, женственное, а глаза доверчивые и лучистые, не умеющие лгать.

В противовес Борису, Никита почти всегда был бледен и предпочитал проводить время в одиночестве за чтением книг или рисованием.

Весной он плел венки из одуванчиков. Эти желтые эфемерные цветы почему-то его завораживали. В них было что-то солнечное и медовое, что-то томительное и сладкое, чему Никита не мог найти подходящего названия.

Летом он рисовал золотистые восходы и багряные закаты, открывая для себя, что медлительность в какой-то мере присуща всему живому на земле. Зимой смотрел в опустевший сад через заиндевелое окно, и ждал снегирей, иногда прилетающих на калину, увешанную красными бусинами ягод.

По какой-то непонятной причине в зимние холода к нему прилипали все простудные болезни от гриппа до скарлатины. Он появлялся на улице с обязательным шарфом на тонкой шее, в шапке с распущенными ушами, в огромных серых

валенках и теплых рукавицах.

Уже первые рисунки Никиты, выполненные обыкновенными акварельными красками на серой бумаге, привели близких родственников в восторг. Им очень понравилась молодая женщина в сиреновом платье, изображенная Никитой на фоне замшелых камней и прибрежных кустов в позе Ассоль, встречающей принца. Потом Никиту увлекла весенняя природа, скрытая в зеленоватой дымке нарождающейся листвы.

А однажды он нарисовал цветущую черемуху так правдиво, что случайно заглянувшая к ним на огонек соседка купила его акварель за десять рублей. Умеющие ценить деньги родители молодого художника увидели в этом событии хорошее предзнаменование и сделали всё, чтобы это увлечение сына переросло в нечто большее.

Несмотря на свой худосочный вид, Никита очень рано стал обращать внимание на девочек, обладающих хорошей фигурой. Влюблялся в них как-то подозрительно быстро, каждый раз утопая при этом в красочных эротических мечтах и сладкой мороке любовных иллюзий. Из-за этого к своим тринадцати годам он знал о любви больше, чем все его сверстники, вместе взятые. Он прочитал много книг и серьёзных научных статей на любовную тему. И в то же время любовь так и осталась для него тайной. Она представлялась ему сгустком чувств, где преобладает восторг и благоговение, где в прах рассыпается здравый смысл и исчезает

привычная нравственность.

Но эта любовь не подружила его с жизнью. Он ничего не предпринимал для достижения намеченной цели. В свои четырнадцать лет он не умел даже целоваться. Скрывал свои чувства, страдал в любовной немоте и понимал, что никому не сможет излить своих самых скверных и сокровенных мыслей.

Во время очередной влюбленности его свалила корь. Дни высокой температуры были на редкость солнечными. Никита плохо слышал в эти дни, все звуки казались ему далекими. Голос его стал непривычно низким, глаза слезились, и только одно запомнилось ему ясно. Как в странной дреме стоял за окном укрытый снегом сад, а там – темные ветви яблонь в белой оправе снега, тонкие желтоватые линии высохшей травы, пунктир одиноких листьев на щетине смородины и пухлый овал свежего сугроба вдоль изгороди. Почему-то именно в это время ему стало томительно приятно смотреть в зимний сад, в царство голубых теней и искрящейся белизны. И не хотелось верить, что такое уже никогда не повторится, что эту удивительную картину никто не сможет как следует запечатлеть.

Тогда впервые в его душе возникало такое ощущение, будто это только он один так видит и так глубоко чувствует природу. Это только он один имеет восторженную душу, которая так ярко отзывается на всякое проявление настоящей красоты. Значит – надо как-то сохранить и передать эти чув-

ства другим. Пусть все испытают переживаемый им восторг. Пусть все это почувствуют...

После отступившей болезни рисование стало его болезненной страстью. Он брал в школьной библиотеке книги о русских художниках и читал их с радостным упоением. Биографии таких корифеев живописи, как Серов и Репин, очень волновали его. Он искал в них некой схожести со своей жизнью, и если находил что-нибудь существенное, указывающее на близость помыслов или поступков, то всегда очень воодушевлялся этим. Ему казалось это хорошим предзнаменованием...

Например, неспособность Валентина Серова к точным наукам воспринималась им, как некий обнадеживающий знак, потому что Никита тоже терпеть не мог алгебру и химию, зато с большим желанием писал сочинения на вольную тему и даже чувствовал некую тягу к стихосложению. Живописание словом было сродни рисованию, а рисование так же возбуждало его, как хорошие стихи. Тут и там жила непредсказуемость, тут и там властвовала стихия.

Первые акварели Никиты озадачили учителя рисования отсутствием композиции. Александр Павлович Кадмиев долго не мог понять, почему асимметричные цветовые пятна на рисунках Киреева так естественно вплетаются в знакомый узор природы. Почему отсутствие композиции не лишает картину смысла? Почему небольшие рисунки Никиты завораживают не точностью деталей, а верным росчерком ка-

рандаша, едва намечающего контур, не ясностью, а туманностью – некой робкою тайной?

Что бы там ни говорили, а первыми по достоинству оценили дар Никиты школьные хулиганы и второгодники. Они подходили к нему на перемене и просили нарисовать голую бабу с увесистым задом. Позднее дело дошло и до известных композиций с изображением мужских и женских тел под характерным названием: «Папа на маме». Потом Никитой заинтересовалась смазливая руководительница школьной редколлегии Валька Ломова и стала его приглашать после уроков для работы над стенгазетами. Никита волновался при ней, как при настоящей зрелой женщине, и, если она поворачивалась к нему задом, украдкой смотрел на ее крупную вздернутую попку под кримпленовой юбкой. От Вальки густо пахло духами, и, если она останавливалась у окна лицом к стеклу, на ее черных гетрах возле колена Никита видел маленькую дырочку. Когда-то такую же он заметил у Нины Ивановны на голени, когда та слишком низко нагнулась за упавшим мелком на уроке биологии. Нина Ивановна работала завучем в школе имени Ленина, ходила на занятия в темно-синем костюме и частенько спала на уроках, подперев массивный подбородок гладким кулачком. Однажды Нина Ивановна увидела карандашные рисунки Никиты, моментально оценила их по достоинству, узрила все недостатки и сразу же посоветовала обратиться за помощью к профессиональному художнику Павлу Петровичу Уткину, потому

что школьный учитель для него уже не авторитет. Из школьной программы он вырос, но до настоящего мастерства ещё не дорос.

Павел Петрович Уткин в то время заведовал изостудией в местном Доме культуры, куда частенько наведывались все представители местной богемы.

Первая встреча Павла Петровича и Никиты прошла довольно холодно. Рисунки и акварели долговязого школяра старому художнику не понравились. Полное пренебрежение азами академической живописи его рассердило, а медлительная скованность молодого человека была воспринята им как заносчивость.

– Если хотите по-настоящему овладеть искусством живописи, – сказал Павел Петрович, – то придется начинать с самого простого, с азов, а если ваши творческие искания выше канонов академической живописи, то нам с вами не по пути.

– Я знаю, что ничего не умею, – смущенно ответил Никита.

– Тем лучше, – ободрил его Павел Петрович. – Никогда не надо переоценивать себя, тем более в вашем возрасте.

АЗЫ ЖИВОПИСИ

Начало занятий в изостудии запомнилось Никите на всю жизнь. Остался в памяти яркий сентябрьский свет из окон третьего этажа, пересекающий изостудию по диагонали; запах масляных красок, скипидара и льняного масла; голова двуликого Януса в буклях шевелюры; крохотная статуя Аполлона; незамысловатая лепнина из гипса, развешанная по стенам вразброс и напоминающая музейные экспонаты, забытые здесь каким-то исследователем древностей.

Запомнились первые карандашные рисунки этих самых гипсовых фигур, где обязательно нужно было передать фактуру материала, соблюсти пропорции, отчетливо обозначить тени и блики. Запечатлелось присутствие Павла Петровича за спиной, который ничего особенного не требовал, только находил и просил исправить допущенные ошибки, тем самым подталкивая начинающего художника к достижению настоящего совершенства.

Уже через несколько месяцев после начала занятий Никита почувствовал, что многое может нарисовать так, как нужно, как этого требуют древние правила, разработанные еще Леонардом да Винчи.

В конце года на занятия к молодым художникам пришел симпатичный старик – их первая живая модель. Его усадили на деревянный подиум, осветили с боков двумя софита-

ми, дали в руки книгу. Портрет старика нужно было нарисовать за три сеанса. Никита нарисовал за два и, как ему показалось, лучше всех. Но когда Павел Петрович поставил все рисунки в ряд на полу возле живого оригинала, и Никита сравнил свой портрет с остальными, то вдруг обнаружил, что его работа выделяется только одним своим качеством – исключительной бледностью тона, а, следовательно, невыразительностью. Хотя Никита соблюдал все каноны карандашного рисунка, и, как положено, самым ярким местом на портрете сделал зрачки старика, все равно старик не выглядел так живо и естественно, как на портрете Валерки Филиппова. К тому же правая щека старика на рисунке Никиты явно перевешивала левую. Теперь, когда рисунок стоял в одном ряду с другими, это бросалось в глаза. Никита ожидал, что Павел Петрович обратит внимание на эти промахи, но он почему-то сказал:

– Для первого раза неплохо, – и ласково похлопал Никиту по плечу. – Не будешь спешить, все у тебя получится.

И Валерке Филиппову он сказал почти то же самое, только немного другим тоном, и Нинке Наумовой, и пенсионеру Бушуеву, который занялся живописью от скуки и любил поразмышлять об искусстве вообще.

Первое время в изостудии Никита по инерции ставил себя выше всех, считал себя самым талантливым и намеревался обязательно доказать это в ближайшем будущем. Ему казалось, что живопись – это его судьба, без живописи он пропа-

дет, а все остальные вполне могут выжить, потому что не дорожат своим призванием так, как он. Валерка Филиппов на занятиях всегда рассказывает какие-то смачные и смешные истории про знакомых девочек, которых у него, по-видимому, пруд пруди. А пенсионер Бушуев тут вообще случайный человек, потому что он уже не успеет, как следует реализоваться... Нинка Наумова в свободное время липнет к парням, которые много старше ее, и делает это так явно, так раскованно, что порой кажется, будто только для этого она сюда и приходит. Правда, акварели у Нинки порой получаются прекрасные, особенно те из них, которые она делает как бы случайно, останавливаясь на улице в самых неприметных уголках. Нинка умеет выделить главное, четко обозначить свет и тень, блики и полутона. В ее акварелях есть поэзия... Глядя на ее акварели, Никита чувствует зависть. Если бы он мог так же легко изображать изменчивую природу, он бы не терял времени зря. Вот, например, его, когда он занят искусством, девчонки совершенно не интересуют, ну разве что раза два Никита мельком посмотрит на Нинку, и все...

В конце учебного года Павел Петрович решил сделать небольшую выставку для своих учеников. Предложил каждому из студийцев принести по одной картине, которую тот считает на данный момент самой удачной, и по одному рисунку, который чем-нибудь выделяется из остальных. И когда все исполнили его просьбу, стал развешивать работы

учеников в просторном коридоре между туалетом и дверью с табличкой «Бухгалтерия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.